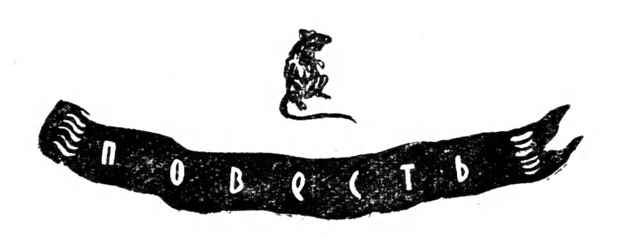

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ АГНИРЕН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В порт ехали на «Победе». Витас опустил стекло и высунул голову в окошко. Он втайне надеялся, что знакомые ребята увидят его в этой блещущей лаком машине. Рядом примостился Повилас, а впереди сидела радостная, помолодевшая мама. Она все торопила шофера, который в ответ понимающе улыбался и прибавлял скорость.

Машина, громыхнув стальными листами на въезде, вихрем пронеслась по новому мосту через Дангу. Колеса, словно большие мячи, забарабанили по булыжному панцирю мостовой.

Распахнулись высокие ворота. Зеркалом сверкнула широкая гладь залива. Впереди вздыбилась частая поросль мачт, надстроек, ажурных ферм журавлеголовых кранов.

«Победа» замедлила ход и покатилась по бетонной дорожке вдоль причалов, над которыми высились черные борта судов.

— Этот красавец из Индии пришел, — сказал шофер, когда они поравнялись с огромным теплоходом. — А это норвежский лесовоз, за ним — датский рефрижератор, потом — аргентинский танкер.

Скрипнули тормоза. Машина остановилась возле большой группы людей. На солнце ярко блестели трубы оркестра.

— Мама, они тоже «Гинтарас» пришли встречать? — тихонько спрашивает Витас.

— Конечно!

— Видишь, сколько народу моего папу встречает?! — немедленно по-своему излагает ответ матери Витас. Его веснушчатый и без того курносый нос задирается еще выше.

Повилас, не скрывая восхищения, глядит на друга. Да, не каждого папу так встречают. Вот у Повиласа папа токарь, самый лучший в Клайпеде. О нем даже в газетах пишут. Повилас, конечно, старательно собирает и вклеивает в особую тетрадку все фотографии и статьи. Но разве это можно сравнить с торжественной встречей, которая готовится капитану Мажутису?

...А люди все прибывают. Они запрудили уже весь причал, многие взобрались на штабеля ящиков, расположились на площадке портального крана.

«Подходит! Подходит!» — искрой пробежало по толпе.

Посреди залива медленно разворачивался теплоход. На носу четко проступали буквы — «Гинтарас», ветер задорно играл алым флагом. Повилас видел много разных судов, но до этого всем им было далеко.

На самом носу стояла... пушка. Повилас хотел спросить, зачем она на мирном теплоходе, но голос его затерялся в громе оркестра.

За пушкой возвышался большущий круглый бак. Буквой «П» вылезали из него толстые столбы с какими-то зубчатыми колесами. Передняя мачта скрывалась под густой паутиной проводов, больших и малых мостиков, рамок, всевозможных антенн и подъемников.

Но больше всего поразил Повиласа капитанский мостик — вернее, место, где он должен был по всем

правилам находиться. Там сверкал прозрачный стеклянный купол, опирающийся на толстый решетчатый обруч.

— Зачем это, Витас? — потянул Повилас друга за руку.

— Где? Что? — Витас отвечал что-то высокому седоусому моряку и не расслышал вопроса.

— Да вон тот колпак на «Гинтарасе».

— А-а! Под ним обсерватория помещается. Знаешь, что это такое? — голос Витаса звучит снисходительно, отвечает он так, будто делает Повиласу большое одолжение. Лицо горит румянцем, глаза горделиво прищурены. Волосы на макушке растрепались и торчат ежиком, как гребешок у молоденького петушка.

Да, такого замечательного дня в его жизни еще не было. Даже когда провожали папу в кругосветное плавание. Витасу кажется, что все взгляды устремлены на него и окружающие то и дело говорят друг другу: «Это сын капитана Мажутиса! Смелый парень! Пора ему тоже в плавание!»

Повилас снова дергает друга.

— Что это там за трубой?

Теплоход подошел уже совсем близко. Его ведут два пароходика. По сравнению с «Гинтарасом» они выглядят совсем маленькими, и непонятно, как они могут тащить такую громадину.

— Это радиотелескоп, — щеголяя своей осведомленностью, громко объясняет Витас. — А на корме в ангаре — вертолет, он прямо с палубы поднимается.

— Ишь ты! — восхищается мужчина в синем комбинезоне с блестящими «молниями».

Тут мама схватила Витаса и Повиласа за руки, и они стали пробираться сквозь толпу к теплоходу. Его отделяла от берега узкая полоска воды. А еще через несколько минут капитан Мажутис вводил их в свою каюту.

— Сидите и ничего не трогайте, — наказал он ребятам, — нас с мамой на митинг ждут.

Легко сказать «сидите, ничего не трогайте». Но разве усидишь, когда в углу распластала крылья огромная птица с сильным изогнутым клювом; под

потолком, будто лоскутки яркой материи, повисли попугаи, а на столе оперся клещами о чернильный прибор огромный краб.

Только смолкли шаги, как мальчики сорвались с места.

Восторженно зазвенели голоса:

— Гляди, какая крошечная обезьянка!

— А кораллы как настоящие цветы!

— Морская звезда!

— Ой! — крикнул Витас. — Вот если такой вцепится! Представляешь?!

У Повиласа даже мороз пробежал по коже. Витас рассматривал жука с большущими рогами. Был он ничуть не меньше стоящего на столе пресс-папье. На рогах висела небольшая табличка.

— «Жук-геркулес», — прочел Повилас. — Смотри, смотри, тут повсюду надписи.

Птица называлась «альбатрос», попугаи — «какаду» и «лори», кораллы — «красный цветок» и «красная пена», краб — «кешни», морская звезда — «астериас». На отдельном столике лежали восьмилучовые кораллы, сирийские губки, молуккские изиды, зеленые ракушки китайских морей, двустворчатая белая раковина — сенегальская бюккарда...

— Это все тебе?
— Ясно!
— А зачем эти таблички?
Витас смешался. Отец никогда прежде не делал надписей на подарках, которые привозил сыну из плаваний.
— Это... это... чтобы я все запомнил...
— А-а!
Мальчики перешли к огромной карте. Ее пересекала извилистая красная линия. Начиналась она у Клайпеды, перебегала Балтику и упиралась в Лондон; отсюда делала скачок до Азорских островов.
— Да это же путь «Гинтараса», — догадался Витас. — Папа еще нам с этих островов письмо прислал... Марка на конверте была классная. Да ты же ее видел. Помнишь, три пальмы у берега, а вдали парус?
— Ага.
— Я ее потом у Альбинаса на две треуголки выменял.
Повилас, взобравшись на стул, вел пальцем по красной линии.
— Бермудские острова, — читал он громко, — Панамский канал, Гавайские острова, Владивосток, Шанхай, острова Кермадек, Мельбурн, Индийский океан, Кейптаун, остров Святой Елены, Гавр, Ла-Манш, Клайпеда... Ишь ты! Вокруг шарика махнули!
Белокурые волосы Повиласа растрепались, галстук съехал набок. Он тяжело вздохнул. Как было бы хорошо, если бы отец Витаса прихватил их с собой в какое-нибудь дальнее плавание! Ну, что ему стоит! Ведь он самый главный на теплоходе...
Дверь распахнулась, и в каюту вошел капитан Мажутис. Витас познакомил отца со своим другом.
Повилас во все глаза разглядывал капитана. Это был коренастый человек с немного продолговатым, но крупным лицом. Большие, широко расставленные глаза Мажутиса, казалось, видели собеседника насквозь. Ему удивительно шла капитанская форма, и Повилас недовольно поморщился, когда капитан снял с головы белую фуражку. Вот уж он никогда бы ее не снимал.

— Здорово тебя встречали! — восторженно проговорил Витас, прижимаясь к отцу. — Просто классически.

— Меня? — удивился Мажутис.

— Кого же еще?

— А ты на судне больше никого не заметил?

— Так ты же самый главный.

— Ну и что из этого? Встречали не меня, а экспедицию, вернувшуюся из кругосветного плавания. Поздравляли ученых, сделавших большие открытия. Ясно тебе? А отец твой ничем не отличился. Вел теплоход — вот и вся работа... Может, ты другу своему рассказывал, что и оркестр специально для меня выстроили? А? — Мажутис говорил строго, но глаза его смеялись. Он лукаво поглядывал на Повиласа.

— Где мама? — вместо ответа поспешно спросил Витас.

— Со знакомыми встретилась, — усмехнулся уловке сына капитан.

В дверь постучали.

— Войдите! — откликнулся Мажутис.

Корреспондент газеты, молодой человек в сером костюме, с фотоаппаратом через плечо, видно, не любил терять времени даром.

— Наших читателей интересует буквально все, — еще с порога заявил он.

Неторопливо звучит низкий голос капитана. В его рассказе все так буднично и просто, и мальчики не понимают, почему не отрывается от блокнота работник редакции.

На океанографическом судне «Гинтарас» ученых было куда больше, чем матросов. В лабораториях проводились сложнейшие исследования, ставились различные опыты. Стремясь разгадать тайны природы, ученые опускались в глубь океана; ловили сигналы автоматических приборов, запущенных в стратосферу; сутками не отходили от установок, регистрирующих невидимые лучи, идущие к нам из глубин вселенной.

— Вы, наверное, заметили на носу теплохода пушку? — спросил Мажутис. — Так это электрическая гарпунная пушка. В ангаре за нею помещается батискаф.

— Пожалуйста, подробнее, — попросил корреспондент.

— Батискаф — это глубинный корабль.

— Большая подводная лодка? — не удержался Повилас.

— Нет, это специальный аппарат для исследования морских глубин. Подводная лодка может опускаться метров на сто-двести, не больше — глубже ее раздавит давление воды. А батискаф погружается на многие километры.

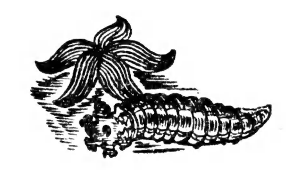
— У меня еще два очень коротких вопроса, — заторопился корреспондент. — Сколько километров прошел теплоход и кому предназначены все эти тропические чудеса?

— Со дня выхода из Клайпеды «Гинтарас» оставил за кормой около двадцати пяти тысяч миль *. А эта коллекция собрана по просьбе школы, в которой учится мой сын...

Витас растерянно глядел на Повиласа.

---

* Одна морская миля равняется 1 852 метрам.

Рано проснулся на следующее утро Витас, а отец уже был на ногах. Капитан всегда вставал в шесть утра. Чуть приоткрыв глаза, мальчик долго наблюдал за отцом. Почти полтора года не был он дома. Папка! Целых двенадцать лет живет уже на свете Витас, а может по пальцам пересчитать, сколько раз отец гостил дома, да и то так недолго. За это время они успевали только раз-другой сходить с сыном в кино.

Последнее плавание было таким длительным, что Витас целых два класса окончил, а папа все путешествовал. Он часто присылал сыну из дальних стран марки и открытки.

— Позвольте вручить очередную тропическую корреспонденцию, — уважительно говорил старенький почтальон, протягивая мальчику письмо. И у них обязательно начинался разговор.

— Кажется, из Австралии? — интересовался почтальон.

— Да, из Мельбурна, — распечатав конверт, небрежно отвечал Витас, всем своим видом показывая, что ему не в диковинку получать письма из Австралии.

— Какая там сейчас погода? — совершенно серьезно спрашивал почтальон. Ему около шестидесяти, в дождливые дни мучит ревматизм, и старик с радостью узнает, что капитану Мажутису сопутствует хорошая погода, которая так редко бывает в Клайпеде.

— «Здесь, сынок, такая жара, — читал вслух Витас, — солнце так нагревает землю, что в раскаленном песке можно печь яйца...»

— Очень хорошо! — удовлетворенно улыбался почтальон.

— «Вода в заливе теплая-теплая, как парное молоко...» — продолжал читать мальчик.

— Очень хорошо! — завистливо вздыхал почтальон и с тоской глядел в окно, за которым моросил дождь.

Витаса поражала необычайная яркость марок тропических стран.

— Ясное дело, — объяснял мальчику почтальон, — богачи глаза замазывают. Мол, раз красивые марки, значит и жизнь красивая... Только нас с тобой не проведешь!

— Не на таких напали! — соглашался мальчик.

И вот отец дома. Загоревший до черноты, с обветренным лицом. Витасу так хочется вскочить и расцеловать отца. Но мужчинам не к лицу такие нежности. Расцеловались при встрече, и хватит. А папка у него просто классический! Даже не стоит на него обижаться за то, что коллекцию не одному Витасу, а всей школе привез. Это он правильно сделал...

Витас сбрасывает одеяло и соскакивает с кровати.

— Доброе утро, папка! — громко кричит он и, забыв о том, что он мужчина, повисает у отца на шее.

Отец и сын устраиваются на диване. Это их любимое место. Здесь начинаются и кончаются все интересные разговоры. Когда Витас был поменьше, он с помощью стульев, тумбочки и подушек превращал диван то в океанский пароход, то в линкор, то в под-

водную лодку «новейшей» конструкции и отправлялся в опасные плавания по неисследованным морям и океанам.

— Надолго, папка? — вчера Витасу не удалось спросить отца об этом. Допоздна были гости, допоздна поздравляли они капитана с удачным плаванием, допоздна просили рассказать о далеких островах, морях и странах. Что касается Витаса, то, будь его воля, он бы запретил пускать гостей в день приезда отца. Пусть потом, позже приходят. А первый день должен принадлежать только ему и маме. Неужели взрослые не понимают этого?

— На этот раз мы, как никогда, погуляем с тобой, сынок. Вот только поставлю «Гинтарас» в док на капитальный ремонт, и на целых три месяца я свободная птица.

— Классически! — кричит Витас и пускается в пляс.

— Хватит, а то весь дом разбудишь, — смеется отец.

— Если бы ты знал, что у нас здесь недавно случилось! Попробуй угадать.

— Ну, брат, эта задача мне не под силу.

— Ладно уж, я и так расскажу... Понимаешь, урок начался, а Повиласа все не было... Повилас мой

самый лучший друг. Книжек разных прочитал больше всех в классе! Даже... даже... на несколько штук больше, чем я... — Витасу было нелегко признаться в этом, но пусть отец знает, какой у него друг. — Классический парень! Я тебя вчера с ним познакомил. Понравился? Из него, по-моему, настоящий моряк выйдет, хотя отец токарем работает... Так вот, урок давно начался, а Повиласа все нет и нет. Куда это, думаю, мог без меня пропасть? Неужели разведал что-то новенькое, а мне не сказал? Тут вдруг распахивается дверь, и он без спроса вбегает в класс. «В чем дело, Арлаускас?»—рассердился физик, а Повилас в ответ: «Получена радиограмма с «Лэны», что ее капитан серьезно болен». — «Какая «Лэна»? Какой капитан?»

Оказывается, по дороге в школу Повилас завернул на минуточку к проходной морского порта. Мы с ним это часто делаем. Там сосед Повиласа работает, пропуска проверяет... Так он нам все новости морские рассказывает...

— Стоп! Стоп! Стоп! Давай-ка ближе к делу, к «Лэне» то есть, — перебил Мажутис сына.

— «Лэна» — это норвежское торговое судно из Тронхейма, — не переводя дыхания, продолжал Витас. — По пути в наш порт у ее капитана Лефа Алстада случился тяжелый сердечный приступ *. Это все Повилас разузнал. Ты, конечно, понимаешь, что мы тут же решили отправиться в порт, еле до конца урока досидели... На пирсе уже стояла «Скорая помощь». И вот показалась «Лэна»... Когда она подошла ближе, мы разглядели на мачте флаг — по краям синий, потом белый, а в середине красный квадрат. Знаешь, что он обозначает?

— Нуждаюсь в медицинской помощи, — ответил Мажутис.

---

* Это случилось в декабре 1956 года. Более полутора месяцев, окруженный заботой и вниманием, пролежал Лейф Алстад в Клайпедской республиканской больнице. Уезжая на родину, он оставил в книге отзывов следующую запись: «Мы, скандинавские моряки, всегда с уважением относимся к Советской стране. Но забота советских медицинских работников обо мне не имеет себе равной».

— Правильно. Ты у меня молодец, все знаешь... А отец Повиласа не знал.

— Да для чего ему это? Он же токарь, а не моряк.

На этот счет у Витаса было свое особое мнение, но он не стал спорить с отцом. Все равно ничего ему не докажешь. Витас как-то пробовал. Куда там! Отец, например, не понимал, что моряки — это самые смелые, самые мужественные, самые красивые — словом, самые лучшие люди на земле.

Витас еще только собирался стать моряком, а уже пренебрежительно относился ко всему сухопутному. Исключение он делал только для летчиков.

— А как норвежский капитан удивлялся, когда узнал, что у нас лечат бесплатно! — продолжал Витас. — Правда, смешно?

— Хм! Пожалуй, не очень... Как бы это тебе лучше объяснить... Словом, нам с тобой вряд ли стоит смеяться над Лейфом Алстадом; лучше уж посочувствовать, что не довелось ему в нашей стране родиться... Понимаешь?

Витас задумался. Удивительный у него папа, самую, казалось бы, простую вещь умеет повернуть так, что она с головы на ноги становится. Действительно, ничего смешного! Совсем даже наоборот.

— Понимаю, не маленький.

— Да, вырос ты у меня, прямо хоть в юнги* записывай.

— А что? Я совсем подходящий, лучше всех в классе подходящий! Знаешь, меня хотели старостой выбрать, потом самым главным в походе чуть не назначили... Еще я быстрее всех читаю. Ребята не верили, говорили, страницы пропускаю... Недавно испытание мне устроили: дали толстую книжку и заперли в комнате. Думали, засыплюсь. Так я...

— В общем ясно, — перебил вдруг сына Мажутис и нахмурился. — Похвастай-ка ты лучше табелем, дружок... Ведь моряки привыкли больше полагаться

* Юнга — подросток на судне, готовящийся стать матросом и обучающийся морскому делу.

на цифры, чем на слова, тем более на такое короткое и малозначащее, как «я»...

Витас пристально взглянул на отца, но так и не понял, сердится тот или шутит. Правда, он называл сына «дружком» лишь в случаях, когда бывал недоволен им, однако сейчас, по мнению мальчика, для этого не было абсолютно никаких причин. И все же Витас решил, что будет, пожалуй, лучше не «выяснять» настроения отца...

— Вот! — Витас достал табель из ящика письменного стола и горделиво протянул его отцу.

— Так... так... ничего... терпимо. А это что такое? — Мажутис посмотрел на сына так, словно увидал его впервые.

— Понимаешь, папа, это совсем не основные предметы, — заторопился Витас. — По основным я четвертый в классе!..

— А по не основным?

— Я... я... не подсчитывал...

— Слесарное дело — тройка, столярное дело — тройка, физкультура — тройка! Что ж, жаль, очень жаль, дружок... — Отец поднялся с дивана и ушел в другую комнату, плотно прикрыв за собой дверь. А через несколько минут под окном загудела машина — отец уехал в порт.

К счастью, после завтрака пришел Повилас. Это немного подняло настроение Витаса.

О своей размолвке с отцом он, конечно, не сказал ни слова, чтобы Повилас не подумал, что капитан Мажутис мало чем отличается от «сухопут-

ных» пап. А Повиласу так хотелось узнать, о чем рассказывал сыну прославленный мореплаватель.

Когда Мажутис вернулся домой, он еще в прихожей услыхал звенящий на самых высоких нотах голос сына:

— Папа схватил топор! Раз! Раз! Раз! Три удара — три ноги! Осьминог бежать! Ура! Наша взяла!

Одновременно с последним словом раздался страшный грохот. Что-то разъезжалось, трещало, падало. Не на шутку встревоженный Мажутис рывком распахнул дверь.

Среди остатков какого-то сооружения из стола, стульев и тумбочек копошился Витас. Рядом стоял Повилас и задумчиво ковырял в носу. Видимо, мысли его витали сейчас далеко-далеко. Но вот он увидел капитана. Глаза мальчика сразу заблестели.

— Это он показывал, как вы бились с осьминогами на капитанском мостике. Вот здорово!

— И много наубивал? — совершенно серьезно спросил Мажутис.

— Пять штук! — не задумываясь, сообщил Повилас. — А разве вы сами не знаете?

— Как же, теперь знаю...

Витасу удалось, наконец, выбраться из завала. Он стоял перед отцом в широкополой маминой шляпе, крепко сжимая в руках топор. На лбу медленно набухала огромная шишка. Вид у Витаса был такой несчастный, что, казалось, он вот-вот расплачется.

Возможно, так бы оно и случилось, но тут Мажутис достал из кармана кителя голубой конверт. Он не был запечатан. В конверте оказался небольшой лист бумаги.

— Смотрите, — капитан расправил края листа.

Мальчики долго разглядывали карандашный рисунок, но так ничего и не поняли.

— Наверно, зашифровано? — шепотом поинтересовался Повилас.

— Нет, это карта...

— Точно! Я так и думал, что самая обыкновенная карта! — воскликнул Витас.

— Нет, не совсем обыкновенная, — сказал Мажутис. — Это карта страны Агнирен!

— А что это за страна? — подозрительно спросил Витас.

— Самая обыкновенная — страна Агнирен.

— Папка, не разыгрывай! Нет ведь такой. Правда, Повилас?

— Точно.

— По географии какие у вас оценки? — спросил капитан.

— Пятерки!

— Тогда скажите мне, где находится государство Руанда-Урунди? *

— Что??

— Руанда-Урунди где находится? — повторил капитан. С трудом сдерживая улыбку, он наблюдал за мальчиками. Витас усиленно тер виски; лунообразное лицо Повиласа залилось румянцем, глаза прищурены, на переносице — глубокая складка.

— Вот! — Мажутис укоризненно покачал головой. — Ну, а в каком месте плещется Арафурское море? **

Ребята удрученно молчали.

— Ладно! Тогда вопрос попроще: покажите-ка мне на карте княжество Лихтенштейн ***.

Снова молчание.

— А еще осмеливаетесь доказывать, что страны Агнирен не существует! Эх вы, самонадеянные личности! А что, если во время плавания я открыл новую страну?

— На земле все уже давно открыто и переоткрыто, — на этот раз не особенно уверенно пробурчал Витас.

— И ничего-то вы не знаете! — прозвучал насмешливо голос капитана.

— А почему тогда говорят, на земле не осталось места, где бы не ступала нога человека? — Повилас не раз слышал об этом.

---

* Руанда-Урунди — подопечная территория в Экваториальной Африке. Опека Бельгии.

** Арафурское море омывает берега Северной Австралии и острова Новая Гвинея

*** Лихтенштейн — карликовое княжество на границе Австрии и Швейцарии, площадь — 200 квадратных километров, население — 14 тысяч человек, главный город — Вадуц.

Витас с интересом ждал, что ответит отец. А ответил он такое, что у ребят загорелись глаза, и они, боясь пропустить хоть одно слово, старались даже дышать пореже.

— Книгу Конан Дойля «Затерянный мир» читали? — спросил капитан.

Утвердительно кивнул только Повилас. Но он тут же попытался скороговоркой ввести друга в курс дела: «Там ученые открыли в горах Южной Америки, высоко-высоко, древних людей; потом всяких ящеров и животных, которые давно не живут на земле...»

Мажутис одобрительно похлопал Повиласа по плечу.

— Значит, плато с отвесными стенами, на которое с таким трудом поднялись отважные исследователи, помнишь?

— Конечно!

— Так оно существует в Южной Америке на самом деле, и к тому же не одно. Географ еще не бродил по поверхности многих из этих плато, молоток геолога не отбил ни кусочка камня от окружающих скал, а натуралист не изучал там животного мира. И вот недавно человеку удалось взобраться на некоторые из них. И что вы думаете? Были открыты грызуны совершенно нового вида... Нет, ребятки, время больших открытий не миновало. Наша планета хранит очень много тайн. Еще неизведана десятая часть суши! Есть немало мест: и в Африке и в Южной Америке, не говоря уже об Антарктиде, — где не ступала нога человека.

Мы очень плохо знаем бассейн реки Амазонки, — продолжал капитан, — огромный участок планеты площадью свыше пяти миллионов квадратных километров. Всего с десяток лет назад летчик-исследователь Джимми Энджел открыл в Венесуэльской Великой саванне водопад, который в пятнадцать раз больше Ниагарского. Совсем недавно, в 1954 году, австралийские самолеты обнаружили в юго-западной части острова Новая Гвинея совершенно новые племена. Полагают, что общая численность их достигает ста тысяч человек. Ни один этнограф не заходил еще

в их хижины, ни один лингвист не исследовал корней их языка...

— Классически! — вырвалось у Витаса любимое словечко.

— Вот и мне посчастливилось побывать в неизвестной доселе стране — стране Агнирен.

Мальчики не знали, что и ответить. Им, конечно, захотелось побольше узнать об этой стране. Но как они ни просили, как ни уговаривали, Мажутис рассказал в этот вечер немногое.

В стране Агнирен он был всего два дня. Карту рисовал потом, на память. Народ там очень симпатичный. Особенно понравились ему молодые трудолюбивые агниренцы...

Вот и все. Потом, сославшись на то, что он еще не обобщил своих научных наблюдений о стране Агнирен, отец Витаса пообещал рассказать о ней подробнее в другой раз.

Маленький зеленый домик стоит вблизи берега моря. От воды его отделяет лишь узкая полоска пляжа да цепочка тупоголовых дюн, поросших пучками длинной узколистной травы. Пучки эти невольно напоминают кошачьи усы. Кажется, стоит потянуть их, как сразу раздастся недовольное мяуканье. Из такой травы получаются замечательные индейские шапки. Один стебелек, что пошире, нужно завязать вокруг головы, а другие продеть под него. После этого остается связать верхние концы стеблей, и шапка готова.

Но этого мальчикам мало. Они берут краски и разрисовывают друг друга. Лицо Витаса пересекают красные, синие и черные полосы, на груди появляется зеленое подобие цыпленка. Но это не цыпленок. Нет! Это королевский гриф — могучая и страшная птица с железными когтями и огромным крючкообразным клювом.

Повилас раскрашен иначе. Сразу видно, что Витас рисует лучше. Особенно удался ему сине-черный крест с красными точками по концам. Он придает лицу свирепое выражение. Грудь Повиласа разрисована синей и белой красками «под скелет», на животе пялит пустые глазницы череп.

В боевой раскраске, вооруженные луками и ножами, «индейцы» совершают опустошительные набеги на мирные колонии «бледнолицых». С грозным кличем скатываются они с дюн, разрушая на своем пути города и замки, построенные из мокрого песка «бледнолицыми».

В плен Повилас и Витас не берут, зато их пояса украшает множество скальпов. Их с успехом заменяют связки вороньих перьев. После набега друзья, забравшись на вершину высокой дюны, долго спорят о том, кто больше снял скальпов.

Витас очень рад, что папа пригласил Повиласа поехать с ними в Палангу. Если б не друг, Витасу было бы очень скучно. Мама вечно хлопочет по хозяйству, отец вместо отдыха каждое утро уезжает в Клайпеду на завод добиваться, чтобы «Гинтарас» побыстрее поставили в док.

Прошла уже неделя, а друзья, несмотря на все старания, так ничего больше и не узнали о стране Агнирен. Капитан только посмеивался в ответ и каждый раз откладывал разговор «на потом». Он отказался сообщить ребятам даже о том, в какой части света находится эта самая страна.

Сегодня с самого утра Витас и Повилас бродят по берегу моря. Если кто-нибудь думает, что это скучное занятие, то он ошибается. Нескончаемой чередой бегут к берегу белоголовые шипящие валы, выбрасывая на песок самые неожиданные вещи.

Вот источенный водою чурбак. Откуда приплыл он? Как попал в море? Чуть дальше валяется изодранная тельняшка. Какой моряк выбросил ее? Обломок весла с выжженными латинскими буквами «Q» и «R» наводит на мысль о кораблекрушении, о неистовой силе разбушевавшейся стихии.

Море выносит на берег сверкающие золотистые камушки. Повилас и Витас набрали их по целой

банке. Правда, им не везет — не попадается крупный янтарь, но ребята не теряют надежду найти как-нибудь огромный кусище этого балтийского золота. Они уже даже решили, что подарят его сестренке Повиласа в день ее рождения. Ох, и рада же будет она!

Особенно любят ребята бродить у моря рано утром. За ночь ветер сглаживает песок, уничтожает на нем следы людей. Зато отчетливо видны следы ночных посетителей морского берега... Едва заметные отпечатки мягких кошачьих лапок пересекают замысловатые елочки птичьих следов. Это ночные охотники, которые подстерегают у берега неосторожную рыбку.

Следы цепочкой и крестиком, продолговатые и трехпалые, крупные и мелкие. Мальчики не знают, кому они принадлежат, как не знают, почему поет палангский песок. Нужно только провести по нему ногой и прислушаться. Когда с моря дует сильный ветер, кажется, будто кругом звенят туго натянутые провода. Это игривыми струйками несется над самой землей белый песок. Чем сильнее ветер, тем плотнее струйки, тем заунывнее песня. О берег начинают биться огромные, тяжелые волны, а над мостом то и дело взлетают фонтаны вспененной воды. Тогда начерно загоревший матрос в трусах и неизменной фуражке с крабом поднимает на мачте черный флаг. Это значит, что в злобно рычащем море купаться запрещается.

Прямо за зеленым домиком, в котором живут мальчики, начинается лес. Ребята заметили, что все деревья в нем немного наклонены в сторону от моря. Это работа ветра. Ребята любят бегать среди сосен— длинноногих стройных великанов с пушистыми шапками причудливо изогнутых ветвей. Здесь непролазные заросли широколистого орешника, бесконечные изумрудные ковры черники, земляники и просто густой травы, в которой так приятно кувыркаться.

Повилас и Витас почти не бывают дома. Заскочат на минутку, проглотят, обжигаясь, по тарелке супа и, прихватив с собой хлеба и еще чего-нибудь, немедленно исчезают. Но сегодня они изменили своему правилу.

Перед обедом Повилас вдруг вспомнил, что ему непременно нужно съездить домой. Он долго объяснял, в чем дело, но Витас так и не понял, с кем это должен встретиться его друг. Зато мама сразу все разгадала.

— Соскучился? — спросила она у мальчика, когда тот пришел за разрешением.

Повилас покраснел и отрицательно затряс головой. Но Витас почему-то решил, что мама не ошиблась.

— Ох, уж эти мне мальчишки! — укоризненно проговорила она. — Наверное, думаете, что настоящий мужчина не может и не должен скучать?

Только уехал Повилас, как вернулся из Клайпеды отец.

— Теперь я тебя никуда от себя не отпущу, — заявил он сыну. — «Гинтарас» в доке!

— Классически! — снова вырвалось у Витаса, хотя он крепко-накрепко обещал отцу позабыть это свое любимое словечко.

— Снова?

— Папка, ведь я так рад! — сконфузился Витас.

— Смотри мне, чтоб в последний раз!

— Слово моряка!

— А почему не видно Повиласа?

— Домой уехал. К вечеру обещал вернуться.

После обеда выкупались и устроились на склоне дюны. С моря тянул легкий ветерок. Он немного

смягчал знойное июльское солнце, без устали славшее свои лучи на землю.

— Так вот, сынок, обещал я как-то рассказать о стране Агнирен, — Мажутис удобнее устроился на песке.

«Как поступить? — молнией пронеслось в голове Витаса. — Может, попросить отца отложить рассказ до приезда Повиласа? Нет, нельзя упускать момента! — решил он. — Сам виноват, нечего было домой уезжать!»

— Наконец-то, папка! — воскликнул мальчик вслух.

Когда Повилас вернулся из Клайпеды, он нашел друга на морском берегу. Витас сидел на старой, изъеденной соленой водой бочке и задумчиво глядел вдаль. Ветер с разгона бил ему в лицо; смешно раздувал рубашку то в толстенное пузо, то в огромный горб. Повилас подошел совсем вплотную, но Витас не замечал друга.

— Сестренка велела привет передать, — тихо сказал Повилас, — и мама тоже.

Повернув голову, Витас недоуменно посмотрел на друга. Повиласу на минуту даже показалось, что Витас не узнает его. Да, да, смотрит, а видит как будто что-то совсем другое...

— Витас, что с тобой?

— Ты знаешь, что Агнирен означает «Страна молота и наковальни», — проговорил Витас.

— Какая наковальня?

— Папа сегодня о стране Агнирен рассказывал...

— Да ну?! Эх, знал бы я... — Повилас уныло опустился на песок рядом с бочкой. Помолчали.

— Ну, рассказывай, что ли... — как бы нехотя протянул Повилас.

И Витас поведал другу.

— Случилось это в тот день, когда самолет привез на «Гинтарас» из Владивостока новый подводный телевизор. Ученые решили испробовать его. Папа отдал все приказы и поехал на вельботе рыбачить. Знаешь, он у меня ловит спиннингом даже в океане. Акул вытаскивает! Честное пионерское!

— Да верю, верю! Только ты лучше об Агнирен!

— А я о чем?

— О рыбной ловле.

— Так ведь она помогла папе открыть страну Агнирен.

— Ну!

— Вот тебе и ну! Понимаешь, папа увлекся ловлей и не заметил, что течение относит вельбот все дальше и дальше от «Гинтараса». Потом попалась огромная рыбина. Такая огромная, что долго тащила за собой лодку...

— На буксире?!

— Ага! А потом на воду опустился туман. Густой-прегустой. «Гинтарас» начал гудеть... А что бывает в тумане?

— Ну, ничего не видно кругом... Как в молоке...

— Это всякий ребенок знает, — презрительно поджал губы Витас. — Понимаешь, в тумане, особенно на большом расстоянии, по звуку невозможно точно определить направление.

Последнюю фразу мальчик произнес медленно, видимо точь-в-точь повторяя слова отца.

— Значит, папа изо всех сил гребет, «Гинтарас» гудит, но ничего не получается... А потом наступила ночь. Папа устал и не заметил даже, как заснул...

— И что же? — весь подался вперед Повилас.

— Проснулся утром и видит: вельбот стоит на берегу, метрах в двадцати от воды. Папа сразу понял, что сейчас в море отлив. Он выпрыгнул из лодки и оттащил ее подальше от берега. И тут сзади заскрипел песок. Знаешь, кто это был?

— Агниренец?

— Ага! Мальчик еще. Он сказал папе: «Раву сабо!», и отдал ему салют. Совсем пионерский, только ладошка наружу вывернута, — Витас соскочил с бочки и взмахнул рукой. — Вот так!

Повилас поднялся с песка и тоже отдал салют по-агниренски.

— Пионерский лучше, — определил он.

— Папа говорил, что мальчик был очень симпатичным, все время улыбался и... Вот и все...

— Как это все?

— Очень просто. Когда папа рассказал до этого

места, пришел какой-то матрос и сказал, что папу срочно вызывают на базу...

— И он ушел?

— Ага, — снова раздался вздох. — Обещал досказать вечером... Жаль, ты матроса не видел. Классический! Так и сыпал морскими словечками. «Кэп, — говорит, — я весь пляж обходил галсами. Хотел уже в Клайпеду отчаливать. Но там наказали без вас не швартоваться». Здорово?

— Здорово!

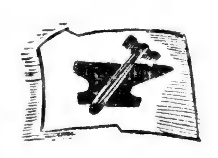
— Я тоже так считаю. А папа ему, по-моему, замечание сделал. «Моряк не жаргонными словечками, а делами славен, — сказал он. — Чтоб я от вас больше этого не слышал!» А как ты думаешь, что это за жаргонные словечки?

— Гм, — прочистил горло мальчик. — Это... это... Это всякие ругательные слова.

— Так ведь он не ругался.

— Значит, он раньше выражался жаргонными словечками, — авторитетно объяснил Повилас.

— Теперь понятно...

Поздно заснули в этот вечер Витас и Повилас, но так и не дождались капитана. Мажутис возвратился в Палангу только на следующий день.

В самом хорошем настроении ходил он по дому, собирая вещи в дорогу. Из его слов мальчики поняли, что капитана срочно вызывают в Москву для обсуждения проекта какой-то необычайно интересной и сложной экспедиции.

Витас сунулся было к отцу с просьбой закончить перед отъездом рассказ о стране Агнирен. Тот ласково потрепал его по голове и ответил:

— Материалы об Агнирен я передал в надежные руки. Придет время, и вы услышите еще об этой удивительной Стране молота и наковальни, лежащей за горизонтом видимого. А капитану Мажутису пора ложиться на новый курс...

Потом отец Витаса торопливо распрощался со всеми и уехал. Уехал, увозя с собой множество тайн загадочной страны, которую капитан называл еще

страной самостоятельности. Где она? Кто живет в ней? Почему так называется? Что за удивительный мальчик встретил Мажутиса на берегу? Как попал капитан обратно на «Гинтарас»? Сколько вопросов, и ни одного ответа — очень уж это тяжелая нагрузка для мальчишеских голов.

— Это ты во всем виноват! — наступал на друга Повилас. — Ведь он твой, а не мой отец. А ты не смог выспросить! Эх, ты! Может, твой отец не понимает, что все ученые мира обрадуются его открытию? Может, стесняется просто?

Витас не пытался даже возражать. Действительно, он кругом виноват. Надо было приставать до тех пор, пока бы отец не рассказал всего. А теперь? Как быть теперь? Ждать приезда отца — долго. Он не скоро вернется. Написать, упросить, чтобы ответил? Ничего не выйдет — капитан не любитель писем, предпочитает телефон.

— Слушай, Повилас, а может, папа не сделал никакого открытия? Может, эта самая страна уже давно известна? — робко строил предположения Витас.

— Может быть! Не может быть! Сиди вот и гадай теперь! — возмущался Повилас. Но уже через минуту он вместе с Витасом листал атлас. Искали долго, снова и снова читали вслух перечень государств мира. Но нет, ничего даже похожего на Агнирен не было.

— Значит, и вправду открыл, — решил, наконец, Повилас. — Представляешь, какая история!

— Слушай, а в газетах об этом ничего не писали?

— Нет, ни строчки, — уверенно ответил Повилас. — У-у-у, знаешь, шум бы какой поднялся!

— Так неужели папа нам первым рассказал?! — от такого предположения у мальчиков захватило дух.

— А почему твой отец держит в тайне свое открытие?

Мальчики долго думали. Потом Витас сказал:

— Наверно, чтоб буржуи не узнали. А?

— Толково, — одобрил Повилас. — А то бы они — раз, и захватили Агнирен.

Но тут мальчику пришло на ум новое соображение:

— Нет, самому главному морскому начальнику он все же обязательно доложил...

— Почему это он должен был докладывать?

— А ты соображай! Идет ночью корабль. Капитан спокоен: на карте — море... И вдруг — удар, треск, пробоина... SOS, корабль идет ко дну... В чем дело? Натолкнулись на страну Агнирен. Ясно?

— Ага! Тогда главный морской начальник должен предупредить всех капитанов... Не всех, конечно, а тех, что далеко плавают.

— Точно. — Повилас сощурился так, будто рассматривал что-то вдали. — А что, если мы начнем искать эту страну?

— Классически! — восторженно закричал Витас. — И найдем, я тебе говорю, что найдем!

К вечеру у мальчиков родился план. Хорошенько обсудив его, они уселись на ступеньках веранды и стали мечтать, как к возвращению капитана приготовят карту, на которой обведут красным карандашом страну Агнирен. Тогда отец Витаса поймет, что они уже почти что взрослые, а не какие-то мальчишки, которых можно водить за нос. А может, им удастся сделать и большее. Географию они, конечно, знают неважно, но страну Агнирен отыщут непременно.

Французский теплоход «Жанна» пришвартовался к причалу. И сразу ожили, загудели моторами портальные краны, засновали по пирсу автокары. Из глубоких трюмов один за другим выплывали на свет тюки, огромные гроздья мешков. Их становилось все больше и больше на черной глади асфальта. Грузчики ловко укладывали их в штабеля.

С теплохода сошел на берег сухощавый моряк в огромном малиновом берете и стал прогуливаться по пирсу. Видно, он очень соскучился по твердой земле: шел не торопясь, четко отбивая шаг, словно проверяя твердость набережной.

— Здравствуйте, — раздалось рядом по-английски.

Моряк удивленно оглянулся. У тележки портального крана стояли два мальчика. Один из них ткнул себя кулаком в грудь и представился:

— Витас.

Второй сделал то же:

— Повилас.

Моряк расхохотался и, хлопнув Витаса по плечу, ответил по-русски:

— Ждрафствуйте!

Витас, заглянув в бумажку, спросил по-английски:

— Вы не скажете, где находится страна Агнирен?

Если бы моряк знал, сколько трудов стоило ребятам составить эту фразу, он бы обязательно постарался понять ее. Но он не знал этого так же, как не представлял себе всей важности поисков, затеянных этими двумя мальчиками.

— Франсе, франсе, — показал на себя моряк. Присев на корточки, он начертил на одном из ящиков карту.

— Франция! — сообразил Повилас. — Не понял он. Повтори еще раз.

— Где находится страна Агнирен? — опять прочел Витас.

Француз снова не понял, чего хотят от него ребята. Он очень больно пожал мальчикам руки и ушел.

— А ты говорил, что все моряки английский знают! — уничтожающе глянул на друга Повилас.

— Я... я... я так читал, — огрызнулся Витас...

В Палангу друзья вернулись к заходу солнца. Мать Витаса встретила их на пороге.

— Не пойму я вас, — сердито говорила она, — когда живете в городе, рветесь к морю, а когда до берега рукой подать, уезжаете на целый день в Клайпеду.

С трудом, но на этот раз все же удалось оправдаться, сославшись на болезнь сестры Повиласа.

А на следующий день мальчики снова уехали в порт. Страна Агнирен не давала им покоя. Разыскать, разыскать во что бы то ни стало! Ни о чем другом Витас и Повилас не могли думать.

День проходил за днем, мальчики встречались с разными капитанами: англичанами и шведами,

итальянцами и датчанами. Но никто из них не слышал о стране Агнирен, никто не получал в последнее время никаких поправок к картам.

Словом, дело не двигалось с места, хотя поездки в город почти полностью опустошили денежные запасы друзей. Мальчики копили деньги на бинокль. Экономили на завтраках: или не ели в школе вообще, или делили булочку и стакан киселя на двоих. Еще восемь рублей, и у них был бы настоящий бинокль. Был бы... А теперь придется начинать все сначала...

В порту уже многие знали, зачем маячат у судов эти двое мальчишек. Настойчивость их не только забавляла взрослых, но и вызывала уважение. Нет-нет да и подходили к ним портовые работники:

— Узнали?

— Пока нет!

— Не иголка в сене — разыщете... Вот что: скоро на нашем участке должен пришвартоваться голландский танкер... Приходите...

Ребята приезжали — и снова ничего. Первым стал терять надежду Витас. Он никогда не отличался особым терпением. А тут еще мама пригрозила сообщить отцу, что сын его совсем отбился от рук. Это было очень нежелательно, так как Витас обещал отцу «взяться за ум». К тому же отец обещал подарить ему детскую электрическую железную дорогу. Лучше не рисковать. Прикинув все, Витас стал подготавливать почву:

— Может, не поедем сегодня в Клайпеду? У меня что-то нога болит. А, Повилас?

— Пройдет!

— И температура... наверное...

— У всех у нас температура!

— Все равно зря ездим, давай пропустим один день... Пойдем лучше на рыбалку...

— А нога?

— Знаешь, она у меня не очень сильно болит... В общем терпеть можно, — Витас старался избегать глаз приятеля, уж больно недоверчиво глядел на него Повилас.

— Ты... ты... — Повилас никак не мог подобрать слов, чтобы выразить свое возмущение. — А еще хо-

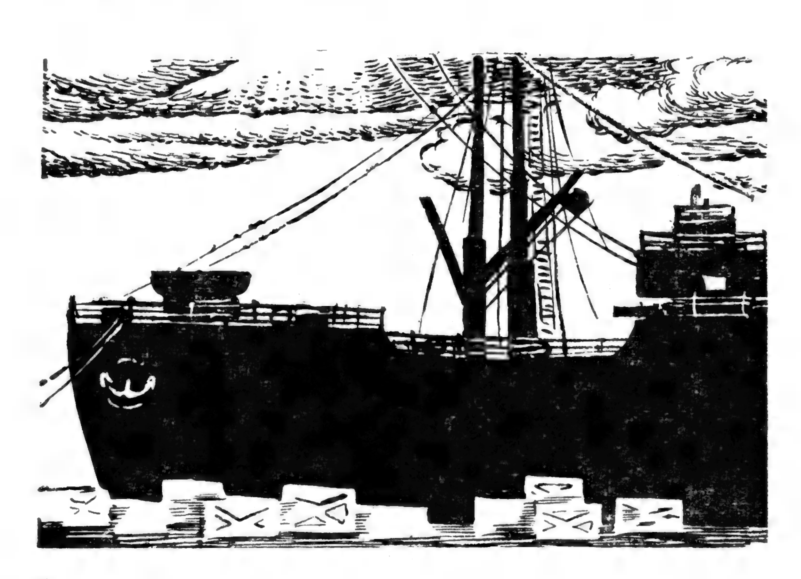
чешь моряком быть! Нет, такие, как ты, в море не нужны... Нога болит! Температура! Рыбалка!

...Витас догнал Повиласа только у автобусной остановки. Молча доехали до Клайпеды. Когда пересаживались на городской автобус, Витас смущенно пробурчал:

— Нога-то, она почти совсем прошла... А я думал...

— Индюк тоже думал, да в суп попал! — безжалостно отрезал Повилас, он никак не мог простить Витасу его попытки прервать поиски...

За ночь у причалов не появилось ни одного нового корабля. Мальчики устроились на ящиках возле парохода «Тайфун». Это было старенькое, изрядно потрепанное временем и соленой водой судно, приписанное к Клайпедскому порту. Ребята не раз проходили мимо «Тайфуна», но даже не пытались завязать знакомство с кем-нибудь из его команды. Они сразу поняли, что на таком пароходе (Повилас назвал его «старой калошей») не станут служить бывалые моряки. Маленький, тихоходный, с облупившейся краской, он казался на фоне современных судов пришельцем из прошлого века...

— Ребята! — окликнул их с «Тайфуна» коренастый моряк.

— Что надо? — не особенно дружелюбно спросил Витас.

— Смотрю я на вас и не могу понять, что это вы столько дней в порту делаете? Или другого занятия нет? А?

— Мы никому не мешаем! — ощетинился Витас.

Моряк широко ухмыльнулся.

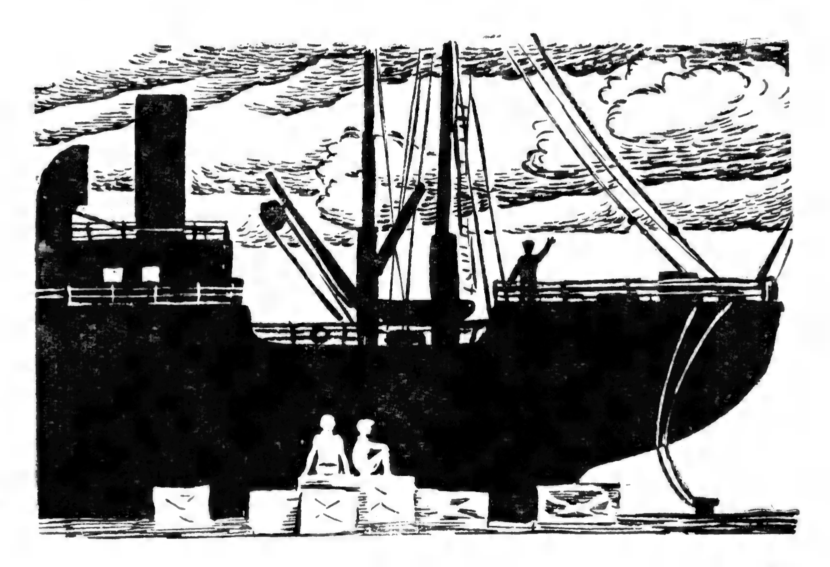
— Послушай, хлопец, а ты случаем не капитана Мажутиса сынок?

— Его, — насупился Витукас. Ему было очень неловко.

— Ага! Тогда пошли ко мне...

Боцман с «Тайфуна» Виктор Семенович оказался бывалым моряком, исколесившим многие моря и океаны. Он плавал с пятнадцати лет, а недавно ему перевалило за сорок пять. Густая шапка почти совершенно седых волос, резкие, словно топором вырубленные черты лица, небольшие, но удивительно добрые и выразительные глаза.

Виктор Семенович немедленно угадал, что Витас и Повилас, когда вырастут, будут моряками, что по-

следнее время им не особенно везет в жизни и что в порт их привело не простое любопытство. В общем мальчики рассказали боцману обо всем. Тот слушал внимательно, не перебивая. Потом надолго задумался.

— Как это вы сказали: страна Агнирен? — переспросил он. — А если перевести с агниренского — Страна молота и наковальни? Хорошо!

— Что хорошо? — не выдержал, наконец, Витас.

— Ребята вы хорошие. Вот что!

— Эх! — досадливо вырвалось у Повиласа. — А страна?

— Послушай, Витас! А не эту ли страну твой отец в последнем плавании открыл?

— А вы откуда знаете? — опешил мальчик.

— Раз говорю, значит знаю. Одним словом, есть на свете такая страна! Это вам я, боцман с «Тайфуна», говорю!

Здесь? Как ты думаешь? — голос Витаса прерывается. Мальчика знобит, словно в лихорадке, хотя в Клайпеде давно не было такого теплого вечера.

— Сейчас сосчитаю. Первая, вторая, третья... — Повилас чувствует себя не лучше, но крепится. — Виктор Семенович сказал, что у третьей причальной тумбы...

— Только от моста считай...

— Она! Точно! Посмотри, который час?

Витас, поставив на массивную чугунную тумбу вещевой мешок, достает из его кармана будильник. Зелеными полосками замерцали в темноте стрелки: маленькая — между десятью и одиннадцатью, большая — на шести. Мальчики, как будто сговорившись, глубоко вздыхают — до условленного часа осталось еще тридцать минут.

Рядом бесшумно несла в залив свои воды ленивая Данга. В этот час на ней было пустынно. Только

у берегов, тесно прижавшись к деревянным сваям причалов, замерли катера, баржи, лодки. Некоторые из них — словно домики на воде: сквозь иллюминаторы каюты виден свет, из кухонной трубы вьется легкий дымок, на веревке сушится белье.

— Нам бы так жить, — мечтательно говорит Витас.

— Ага! Кругом вода, обед из камбуза*, полный вперед, вира — майна**, зюйд — норд***! — одним духом выпаливает Повилас.

— Тсс! — дергает его за рукав Витас. — Забыл?!

Повилас испуганно озирается. Но по-прежнему никому нет дела до двух мальчиков, никто не интересуется, чего ждут они так поздно у реки.

— Не пора еще? — спрашивает Повилас.

— Еще двадцать минут, — шепотом сообщает Витас.

И до чего же медленно тянется время! Когда не надо — минута за секунду пролетает, а тут часом кажется. Конечно, на двадцать-тридцать минут терпения у них достаточно, но попробуйте ждать целых пять дней.

Да, да, целых пять дней прошло после того, как боцман с «Тайфуна» сказал: «Есть на свете такая страна!» Потом он, вместо того чтобы отвечать на вопросы, стал расспрашивать их сам. Чем только не интересовался Виктор Семенович! Даже узнал, где они живут в Паланге и какой язык изучают в школе! Витас не удержался и спросил:

— На что это вам?

— Хочу знать, серьезные ли вы люди, можно ли тайну доверить...

— Очень серьезные, —поспешил вмешаться в разговор Повилас, — а тайна у нас, как в могиле!

Тогда боцман сказал такие слова:

— Долго качает море корабль, прежде чем достигает он берегов страны Агнирен. Лежит она далеко от Клайпеды.

— Где? — хором вырвалось у мальчиков.

---

* Камбуз — кухня на судне.

** Вира — вверх, майна — вниз.

*** Зюйд — юг, норд — север.

— Вот этого я и не знаю... Об Агнирен мельком слышал. Матрос знакомый с «Гинтараса» рассказывал, будто их капитан, отец Витаса, стало быть, какую-то страну новую открыл.

— Дядя Виктор! — горячо выдохнул Повилас. — Узнайте! Нам очень надо! Хоть на лодке — доберемся!

— Э! Да ты, кажется, из дому сбежать хочешь?

— Так мы же для науки!

— Для какой науки?

— Папа всего два дня в Агнирении пробыл... Ничего не успел совсем... Потому и в газеты не пишет. А мы...

— ...Поедем, все разузнаем и опишем! Представляете, как ученые обрадуются! — подхватил Повилас.

— Пожалуй, так оно и выходит. Ведь о стране Агнирен действительно ничего еще не известно. А ну, тихо! Дайте подумать!

Мальчики смотрели на боцмана такими умоляюще-преданными глазами, что он не выдержал и рассмеялся. Но тут же, оборвав смех, пообещал ребятам разыскать в городе того самого матроса с «Гинтараса», который рассказывал об открытии капитана Мажутиса, и еще кое-кого из бывалых людей...

— Давайте ваш адрес в Паланге, — сказал боцман на прощание. — И ждите от меня весточки!

Виктор Семенович ушел... Через день Повилас и Витас надумали разыскать боцмана для уточнения некоторых вопросов. Но «Тайфуна» у причала не оказалось. Даже приятель Повиласа, что проверял пропуска в проходной и был в курсе всех морских дел, не знал, когда пароход снова появится в порту. Тогда мальчики решили отправиться к самому диспетчеру. Но тут к ним подошел какой-то мальчик в морской фуражке и протянул конверт:

— Боцман с «Тайфуна» просил передать.

«Ждите и надейтесь, — писал Виктор Семенович. — Напал на след. Победа будет за нами».

А на четвертый день утром тот же мальчик в морской фуражке разыскал Витаса и Повиласа в Паланге. На этот раз письмо было значительно длиннее. Боцман сообщал, что узнал, где находится страна Агнирен. Больше того, в очередном рейсе «Тайфун»

пройдет вблизи ее берегов, и если они действительно надумали послужить науке, то... Словом, тогда нужно собираться в дальнюю дорогу, быть готовым к нелегким испытаниям...

И мальчики решились.

Бесшумно вынырнув из темноты, шлюпка легкой тенью заскользила к берегу. Вот и третья от моста причальная тумба.

— На береге!

— Мы здесь, здесь, дядя Виктор! — обрадовался Витас.

— Службы морской не знаете, — пробурчал боцман, причаливая. — «Есть на береге!» — нужно отвечать. Понятно? То-то же...

Мальчики хотели обо всем расспросить Виктора Семеновича — ведь у него скопилось для них столько новостей! Но сделать это не удалось. Как и в прошлый раз, вопросы задавал только боцман.

— Родителей, конечно, предупредили?

— Ясно, — довольно неопределенно протянул Повилас.

— Продукты? Снаряжение?

— Вот, — распухший вещевой мешок произвел на Виктора Семеновича благоприятное впечатление.

— Помните: везу вас на свой страх и риск. Если дознается начальство, не служить мне больше на флоте, а вас сразу высадят на берег. Уяснили?

— Классически! — ахнул Витас.

— Не классически, а очень, очень плохо, что боцман с «Тайфуна», то есть я, служебному долгу решил изменить, устав морской нарушить. Но... — старый моряк решительно взмахнул рукой, — чего не сделаешь ради науки!

— Вы не сомневайтесь... — начал было Повилас.

— С чего это ты взял? — перебил его Виктор Семенович. — Я в вас верю, а раз так, значит довезу... Вы готовы?

— Да, — слились в один два взволнованных голоса.

— Тогда прощайтесь!

— И я тоже хочу ехать! — Витас почему-то поду-

мал, что Виктор Семенович решил оставить его на берегу.

— Не друг с другом, а с землей твердой прощайтесь... Кто знает, когда снова на нее ступите...

Выйдя из Данги, шлюпка запрыгала по коротким волнам залива. Чем дальше отходила она от берега, тем шире разворачивался в темноте город, тем больше огней вливалось в электрическое зарево. Казалось, оно приподняло над Клайпедой ночь, мешает ей шагнуть из моря на землю.

Виктор Семенович запретил мальчикам разговаривать. Они узнали, что звуки очень далеко разносятся по воде.

— А шуметь нам, как вы сами понимаете, не рекомендуется, — заключил полушепотом боцман.

«Тайфун» появился неожиданно, словно вырос из моря. Судно стояло на рейде, удерживаемое двумя якорями. Желтовато светились кружочки иллюминаторов, вырываясь из борта, монотонно шипел пар. Пароход походил сейчас на спящее глубоким сном морское животное.

Виктор Семенович, бесшумно работая веслами, подогнал шлюпку к «Тайфуну». У борта было совсем темно. Спутники Виктора Семеновича замерли. Только бы не услышал, не заметил кто с судна. Если обнаружат — все, конец! Никогда больше не найти им

второго такого боцмана, как Виктор Семенович: чтобы поверил в них, в плавание с собою взял да еще знал, где находится страна Агнирен.

— Приготовиться! — сдавленным голосом скомандовал Виктор Семенович. Он поднялся на ноги и стоял, держась за что-то невидимое в темноте.

— Повилас, ко мне!

Мальчик неуверенно шагнул вперед. Крепкая рука сразу подхватила его.

— Держи!

Повилас нащупал какую-то перекладину.

— Это штормтрап *. Хватайся покрепче и лезь на палубу. Только не спеши, а то угодишь в воду.

Лестница показалась мальчику бесконечной. От неловких движений Повиласа трап сильно раскачивался, веревки до боли резали руки, а нога, не находя очередной ступеньки, то и дело срывалась в пустоту. Выше, выше, выше! Мальчику чудилось, что палуба не приближается, а уходит от него все дальше. Но вот, наконец, и фальшборт **. Тяжело перевалившись через него, Повилас подергал лестницу: добрался, мол. Где-то далеко-далеко внизу послышалось:

— Витас, ко мне!

Повиласу показалось, что прошло бесконечно много времени, прежде чем он увидел над бортом взъерошенную голову друга. Потом очень быстро появился Виктор Семенович с вещевым мешком маленьких путешественников. Он сразу сел на палубу и стянул с ног ботинки, жестом пригласив мальчиков последовать его примеру.

Совсем близко раздались спокойные, уверенные шаги. Виктор Семенович затащил ребят за какое-то возвышение. Тут, вплотную прижавшись к шершавому брезенту, переждали опасность.

— Сам капитан прошел, — облегченно вздохнул боцман.

— Представляешь? — спросил друга Повилас.

— Ага! — Витас совершенно ясно представил себе, что произошло бы, заметь их сейчас капитан...

---

* Штормтрап — веревочная лестница на корабле.

** Фальшборт — легкая обшивка у борта открытых палуб; служит для защиты от волн.

Осторожно ступая босыми ногами по настилу палубы, добрались до люка. Тут у Виктора Семеновича оказался припрятанным керосиновый фонарь, который неизвестно почему называют «летучей мышью».

— Полезли!

Железная лестница — трап — уходила круто вниз. Боцман спускался первым, за ним — Витас, потом — Повилас. Быстро пробежали длинным коридором, по обе стороны которого протянулись каюты. Витас успел заметить на одной из них табличку: «Главный механик». И — снова вниз. Стало холодно и сыро. Свет фонаря вырывал из темноты железные стенки, густо покрытые ржавчиной, какие-то трубы и краны. Боцман со скрипом распахнул узкую дверцу.

— Сюда!

Взору мальчиков открылось небольшое помещение, заставленное ящиками разных размеров.

— Устраивайтесь, а мне пора на вахту, — сказал Виктор Семенович. — Утречком постараюсь заглянуть. С огнем, с огнем только поосторожней, да керосин берегите.

— Спасибо, дядя Виктор!

— После благодарить будете. Четверть дела — еще не дело... Да, совсем забыл: крыс-то вы не боитесь?

Мальчики молчали.

— Вот и хорошо, — по-своему расценил молчание ребят боцман. — Тогда спокойной вам ночи!

Стальная дверца захлопнулась. Витас и Повилас остались одни. Через четверть часа маленькие путешественники, усевшись на полу и склонив головы на ящики, крепко спали. Усталость и волнение взяли свое.

Витас и Повилас не слышали, как заработали машины «Тайфуна», как мерно зашуршала за железным бортом вода, как пронесся над заливом и исчез вдали басовитый гудок.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первым проснулся Витас. Разбудила его нестерпимая боль в шее, будто кто-то старательно вкручивал в нее стальной штопор. Руки и ноги затекли, тело ломило. Мальчик с трудом поднялся и сразу все вспомнил: и ожидание на набережной Данги, и бесшумную поездку сквозь тьму, и раскачивающийся на ветру штормтрап, и шаги капитана на палубе... Да, как ни удивительно, как ни похоже на сказку, но все это было на самом деле.

Но что случилось с фонарем? Почему едва приметно тлеет фитиль? Витас перелез через ящик и обнаружил, что в фонаре кончился керосин. Еще несколько минут, а может, даже секунд, и станет абсолютно темно.

— Повилас!

Рядом отчетливо слышится сонное дыхание.

— Повилас! — кричит Витас.

В ответ раздается стон.

— Повилас! Да что с тобой?

Снова стон, потом жалобный-прежалобный голос:

— Нога... Совсем не гнется, как полено... Ой! Витас, а, Витас! Может, это у меня гангрена начинается?

— Может, йодом помазать? — Не дождавшись ответа, Витас добавляет: — Сейчас достану...

Но, оказывается, не так просто разыскать в темноте рюкзак, даже если он до отказа набит вещами. Можно, конечно, воспользоваться спичками, но весь секрет в том, что и они лежат в вещмешке.

— Зачем фонарь было гасить? — недовольно ворчит Повилас, изо всех сил растирая ногу. Он уже понял, что гангрена ему не грозит, и к нему быстро возвращается обычная уверенность.

— Керосина нет. Понял? — огрызается Витас. — Говорил тебе Виктор Семенович, что экономить надо, а ты...

— А тебе он разве не говорил?

— Ну и мне... Только я заснул сразу...

— И я, — чистосердечно признается Повилас. Ему очень досадно, но ничего не поделаешь: виноваты оба.

Мальчики притихли. Вдруг они почувствовали, что все вокруг, да и они сами, мелко дрожит, как будто на старый «Тайфун» напала лихорадка.

— Замри!

Повилас и Витас уловили, как где-то за стальными стенками тяжело бьется огромное пароходное сердце, как сотрясают весь корпус его неумолчные удары.

— Плывем! Ура! Да здравствует страна Агнирен! — мальчики восторженно кричали, награждали в темноте друг друга тумаками, пытались даже исполнить танец, который они почему-то считали индейским, но острые углы ящиков, обступившие со всех сторон, быстро остудили их пыл. Стало холодно и неуютно. Витасу почему-то вспомнилась Паланга и яркое солнце над пляжем...

— При-ду-мал, — протянул Повилас. Он всегда смешно растягивает слова, когда ему в голову при-

ходят идеи. — В мешке — будильник, будильник — «тик-тик», мы слушаем и находим мешок.

— Классически!

Но сколько ни прислушивались мальчики, ничего похожего на стук часов не услышали.

— Будем ждать Виктора Семеновича.

— А я... я, Повилас, кушать хочу... Очень даже...

Повиласу тоже до смерти хочется есть, но он строго отвечает:

— Не маленький — потерпишь!

Конечно, если б Витас знал, что рядом нет никакой пищи, он мог бы долго переносить муки голода. Но когда где-то поблизости лежит мешок со всякими вкусными вещами, терпеть просто-напросто невозможно. Витас начинает сперва потихоньку, потом все настойчивее и смелее шарить вокруг.

— А я буду укреплять волю, — цедит сквозь зубы Повилас.

Однако не проходит и минуты, как он уже помогает другу. Начинаются поиски. И хотя они приводят к очень болезненным встречам с ящиками, мешок словно сквозь землю, вернее сквозь днище корабля, провалился.

Потирая ушибленные места, мальчики усаживаются рядышком. Ух, как же неуютно в темноте!

— Интересно, что делает сейчас мама? — задумчиво говорит Витас. Он не ожидает ответа, просто почему-то вспомнился дом.

— Завтрак, наверно, готовит. — Повилас глотает слюну. — Хотя... сколько сейчас, по-твоему, времени?

— Дай-ка соображу. Отчалили мы от набережной ровно в одиннадцать... До «Тайфуна» — еще минут сорок или час... Так что, я думаю, часов семь утра будет.

— Ага!

— Слушай, сколько может прожить человек без еды?

— Суток, говорят, десять... А что?

— Тогда ничего, дождемся как-нибудь Виктора Семеновича...

А есть хочется все сильнее и сильнее. И не только есть, но и пить, но фляга находится в том же самом неизвестно куда исчезнувшем мешке.

— Знаешь, давай-ка лучше спать, — предлагает Витас. — Я читал, что во время голодовки нужно поменьше двигаться — сохранять энергию... В фильме

«ЧП» тоже так показывают... Моряки там пять суток есть отказывались! Классически!

— Ты что, собираешься голодовку объявлять?

— Ну и непонятливый же ты! А вдруг Виктора Семеновича капитан в последний момент оставил на берегу? Что тогда?

— Тоже придумал... — не особенно уверенно возражает Повилас. — Без боцмана судно не может уйти в дальнее плавание. Ведь боцман — это, это... один из главных начальников на «Тайфуне». Видел, каюта у него особая, фуражка с «крабом», сам капитан на совет вызывает? Нет, без боцмана корабль не корабль!..

— Слушай, а что делает Виктор Семенович на «Тайфуне»?

— Так он же боцман!

— Это я и без тебя знаю. Ты вот объясни, что у боцманов за работа...

— Ну... самая обыкновенная. Начальник он!

— Не знаешь?

— Это я не знаю? — пытается обидеться Повилас, но это ему плохо удается. Ведь он действительно не знает, чем занимается на судне боцман*.

— Да, ты!

— Нет знаю, но принципиально не скажу. Вот!

Витас с минуту думает, но, не найдя достаточно резкого ответа, меняет тему:

— Ты качки боишься?

— Ни капельки. Средство одно есть...

— Правда? — Витас, как и Повилас, никогда в жизни не попадал в шторм, но его начинает подташнивать при одном упоминании о качке.

— Знакомый моряк с траулера рассказывал... Как выйдешь первый раз в море, надо соскрести с якоря ил, развести его в морской воде и выпить. Чем больше, тем лучше! Верное дело!

— Надо Виктора Семеновича попросить...

Мальчикам начинает казаться, что время остановилось. Темнота все сильнее наваливается на них,

---

* Боцман — лицо младшего командного состава в морском флоте. Обязанности боцмана — следить за содержанием корабля в чистоте и порядке, руководить корабельными работами и обучать матросов морскому делу.

сжимает невидимыми щупальцами. А вдали отрывисто дышат машины: «жух-жух», «жух-жух», «жух-жух». Без конца и без начала, так же монотонно и тоскливо, как непрекращающийся шелест воды за бортом. Куда несет их в полном мраке железный великан? Не собьется ли он с пути? Не позабыл ли об их существовании старый боцман? А может, он и впрямь остался на берегу, не успев никого предупредить о том, что глубоко в трюмах «Тайфуна» скрываются за стальной дверью двое путешественников?

— Я все-таки прилягу, — вспоминает о необходимости сохранять энергию Витас и мрачно добавляет: — Боли в желудке уже начинаются.

Повилас изо всех сил мнет себе живот, потом сообщает другу:

— И у меня... Только под ложечкой.

Он пытается вытянуться на ящике, но тут же садится снова — лежать больно. Не долго выдерживает и Витас. Конечно, мальчики не забыли запастись в дорогу одеялом, но оно тоже в вещевом мешке. Снова поиски в темноте, и снова неудача, хотя облазили как будто весь отсек.

— Может, унес кто, пока мы спали? — голос Витаса дрожит. Ему так хочется есть и пить, что терпеть больше невозможно.

— Наверно, уже вечер? — вздыхает Повилас.

— Или ночь... Сутки без еды! А ты еще спрашивал, не собираюсь ли я голодать... Был смех, а теперь слезы... Классически! — любимое словечко Витаса звучит на этот раз безо всякого энтузиазма. Да и откуда он возьмется, этот самый энтузиазм, когда над ними занесла костлявую руку сама голодная смерть.

В этом месте нерадостные думы мальчиков прерываются. За дверью слышатся шаги. Ближе, ближе, еще ближе. Со скрипом повернулся засов, и путешественники поспешно закрыли глаза — таким ярким показался им свет «летучей мыши» в руке у Виктора Семеновича.

— Добрый вечер! — словно в колодце, загудел его бас. — Как спали, как ели, как пили?

Тут он разглядел унылые лица ребят и сразу посерьезнел:

— Почему невеселы? Докладывайте, чем недовольны?

Мальчики наперебой рассказывали, какие муки пришлось претерпеть им с тех пор, как расстались они с боцманом. Но, вместо того чтобы посочувствовать, Виктор Семенович устроил им разнос. Да еще какой!

— Ради науки я на все согласен, даже если судить меня будут за то, что самовольно везу вас в страну Агнирен. А вы что? Почему не устроили себе человеческого жилья в отсеке? Почему не выполнили моего приказа: перед сном погасить лампу? Сутки без воды и пищи! А если заболеете? Что прикажете тогда с вами делать? Рюкзак, говорите, целый день искали! Так я его вчера на ваших глазах прятал. Чтоб крысы не добрались.

Виктор Семенович зло отшвырнул ящик, на котором столько часов просидели ребята... Вещевой мешок! Он преспокойно лежал на полу отсека.

Мальчики старались не смотреть на боцмана. Им было очень стыдно. Сидеть на продуктах и думать о голодной смерти, в рюкзаке — электрические фонарики, а они томились в темноте?! Такого, даже если очень постараешься, ни за что не придумаешь. Ну и история!

А боцман продолжал, словно не замечая смущения ребят:

— Плыть предстоит долго, а вы сразу же расквасились. Что же будет потом? А? Только на корм рыбам и сгодитесь...

Тут Витас вспомнил о грозящей им морской болезни и, не сдержавшись, прервал Виктора Семеновича:

— Ила нам, пожалуйста, принесите.

Это было так не к месту и так неожиданно, что боцман буквально опешил:

— Какого это еще ила?!

— С якоря, главного.

— Ничего не понимаю! — недоуменно развел руками Виктор Семенович.

— Это от морской болезни, средство такое...

В отсеке все зазвенело от хохота боцмана.

— Так, говорите, ил вам нужен? Ну и уморили!

Только мальчишки могут выдумать такое! Ил от морской болезни! Лекарство — первый сорт! — прорывалось сквозь смех.

Наконец Виктор Семенович перестал смеяться. Вытер платком лицо, поправил фуражку и сказал уже обычным тоном:

— Ил отставить! Это раньше старые матросы так новичков обманывали. От морской болезни лекарства нет. Обязательно раз-другой переболеть надо, пока к морю привыкнешь. Ясно?

Боцман поставил на ящик перед мальчиками кастрюлю. В ней оказались настоящие матросские щи, кислые, из солонины, с каким-то совершенно особым, «морским» запахом, как подумали ребята.

— У-у, вкусно! — Витас ел так быстро, что у него заломило челюсти. По телу разливалась приятная истома. Сейчас бы в мягкую кровать и спать, спать, спать. Но отсек даже приблизительно не походил на жилое помещение. Видимо, когда-то здесь был склад пустой тары. Потом о нем забыли, как забывают обычно о никому не нужных вещах. Во время сильной качки ящики сдвинулись с мест, штабеля развалились, перемешались, и в отсеке царил теперь редкостный хаос.

— Первым делом — навести порядок. Ясно? — насупив густые щеточки бровей, давал указания боцман. — Из одинаковых ящиков составить лежанку, накрыть одеялом, очистить место для стола. Запомнить, где что лежит! Ясно?

— Ага-а...

— Ты мне не морщься! — повысил голос Виктор Семенович, заметив, как поджал губы Витас.

— Все сделаем, не беспокойтесь! — Круглое лицо Повиласа выражало такую решимость, что боцман сразу подобрел.

— Ого, да я у вас засиделся! — посмотрел на часы Виктор Семенович. — Пошел. Часто не смогу вас навещать. Иначе заметят — беда будет, ясно?

Захлопнулась дверь, в отсеке будто потемнело, хотя по-прежнему ярко светила «летучая мышь».

— Проверь часы, — сказал Повилас, постепенно забиравший руководство в свои руки. — Сейчас двадцать минут первого...

— Разве будильник не у тебя?

— В глаза его не видел.

— Тогда где же он?

— В рюкзаке, в правом кармане.

— Нет его там, — Витас стал лихорадочно рыться в мешке. Потом вывалил на пол все его содержимое.

— Ты же смотрел на берегу?!

— Да, я. Посмотрел и уложил обратно. И еще раз, перед приездом дяди Виктора.

— Эх, ты! — Повилас готов был отколотить друга.

— Эх! Эх! — разозлился Витас. — А в лодке у кого мешок был? А? Чего ж ты молчишь? Сам, наверно, потерял, а на меня сваливаешь!

Мальчики замолкли и принялись за уборку. Работы много. Нужно разобрать и расставить по меньшей мере сотню ящиков. Они так изломались и переплелись друг с другом, что поддаются с большим трудом. Путешественники с силой выдергивают доски, раскручивают проволоку, расцепляют целые ящики.

— Что это? — выпрямился вдруг Витас. — Тихо!

— Точно. Значит, стоим!

Действительно, старый «Тайфун» не дрожал больше от работы машин, не шелестела по борту взбудораженная его длинным телом вода.

— Где мы? — загорелся Повилас, широко раскрыв глаза, как будто пытался просверлить ими тонкую стальную стенку, отделявшую их от неведомого порта.

Повилас достает из рюкзака толстую книгу небольшого формата. «Атлас мира» — сверкают золотом буквы. Мальчики склоняются над картой Западной Европы. Они совершенно уверены, что путь в страну Агнирен лежит куда-то на юг, через Балтийское и Северное моря, Ла-Манш и дальше — в Атлантический океан.

— Калининград? — прикидывает Повилас. — Нет, это слишком близко от Клайпеды. Ведь мы уже целые сутки в дороге. Какая скорость у «Тайфуна»?

— Километров пятьдесят, по-моему, не больше, — неуверенно отзывается Витас.

— Тоже мне придумал — «километров». Это на суше километры, а на воде — мили.

— Ну, тогда миль пятьдесят...

— Ого!!! Да знаешь ли ты, сколько километров в миле?!

— Ты же только что говорил, что на воде не бывает километров...

— Факт — на воде мили.

— А зачем говоришь тогда о километрах?

— Понимаешь, это почти одно и то же, отдельно для воды и для суши... На воде не бывает километров, а на суше — миль. То есть, конечно, бывает, но, — окончательно путается Повилас и замолкает.

Сошлись на том, что «Тайфун» делает примерно 30 миль в час *. За сутки — 720. Значит, они стоят сейчас, самое близкое, в Копенгагене, а может, даже в Лондоне.

— Классически!

Мальчики с новыми силами берутся за работу...

Послышался скрип засова, и вошел боцман. На этот раз он остался доволен своими безбилетными пассажирами.

— Вот это по-нашему, по-морскому, — добродушно забасил он, внимательно оглядывая отсек.—И спалось лучше, и о голодной смерти не думали.

...Время шло медленно, однообразно. Мальчики давно потеряли представление о дне и ночи. В их отсеке всегда была ночь. Желтоватый свет «летучей мыши», приглушенный гул машин да еще какие-то шорохи и вздохи, доходившие до них то ли из глубин парохода, то ли со дна морского. Вот и все! По расчетам ребят «Тайфун» находился в тропиках, за много тысяч миль от родных берегов.

Если говорить честно, то путешествие в трюме успело так надоесть мальчикам, что им даже начала сниться обыкновенная — не морская — жизнь: твердая земля, удобная постель, вкусная пища. И солнце! Много солнца! Хорошо еще, ни разу не было шторма и не пришлось испытывать на себе всех «прелестей» морской болезни.

---

* Ребята ошибались. Старый «Тайфун» делал не больше 12 миль в час; 30 миль — скорость современного пассажирского теплохода *(авт.)*.

Боцман находил, что выглядят они совсем неплохо, только очень грязные. Виктор Семенович несколько раз приносил с собой в ведре воду, но была она холодной и почти не смывала копоти и грязи. Тут нужен был кипяток и добрая мочалка! Ребята надеялись найти и то и другое в стране Агнирен. Ведь должны же они, наконец, доплыть до нее! Виктор Семенович говорил, что осталось уже совсем немного.

Мальчики часто мечтали об Агнирении. Им очень нравилось это короткое, но необычайно звучное и таинственное название. Они с удовольствием произносили его вслух. При этом Повилас утверждал, что Агнирен звучит совсем как индейское заклинание.

А перевод? Разве не удивительно, что агниренцы назвали свою страну Страной молота и наковальни?! Конечно, удивительно! И вот им предстоит ступить на берег этой таинственной страны!

...Вскоре после начала путешествия Витас и Повилас обнаружили, что в отсеке они не одни, что у них есть довольно многочисленные соседи. Стоило погасить фонарь, как они тотчас выходили на прогулку. Тогда слышалось попискивание и стук коготков о пол. Потом начинали работать зубы. Мальчики прятали припасы и снаряжение под железный ящик, а против него крысы были бессильны. Но, если они забывали что-либо спрятать, оно бесследно исчезало... Так пропали у ребят полупустая банка консервов, пара носков и пояс. Кости, корки убирать не приходилось. С этим отлично справлялись крысы.

Боялись ли их мальчики? В душе очень, но ни тот, ни другой не хотели признаваться в этом. Только ложась спать, они поплотнее заворачивались в одеяла, чтобы — о ужас! — какая-нибудь крыса не коснулась их тела. А крысы были большие и наглые. С каждым днем они становились все бесцеремоннее. Особенно одна, самая крупная крыса. Она так обнаглела, что перестала бояться света и выхватывала пищу буквально из-под рук, а если на нее замахивались, норовила укусить.

Однажды Повиласа разбудил дикий крик. С перепугу он никак не мог зажечь фонарь. Оказалось, что во сне Витас раскрылся и крыса пробежала прямо по его лицу.

Нет, больше они этого не потерпят.

И мальчики решили объявить крысам войну.

Витас нашел в углу отсека большой мешок, Повилас достал кусок колбасы и полбуханки хлеба. Мальчики действовали так уверенно, будто всю жизнь только и занимались, что охотились на крыс. Скорее, скорее избавиться от этого серого ужаса!

Ловушка готова, приманка уложена в дальние углы мешка. Найдены дубинки. В руках у мальчиков концы веревки, петлей охватившей горловину мешка. Стоит потянуть за них, и петля затянется.

Повилас прикрутил фитиль. И сейчас же крысы ринулись к ловушке. Визг, грызня.

— Тяни!

В мешке было не меньше двух десятков крыс. Он казался каким-то неведомым животным со множеством копошившихся щупалец.

— Бей!!!

Колотили по мешку сколько было сил; колотили исступленно, как бьют только самого заклятого врага. Крысы уже давно не шевелились, а они все били и били. Мальчикам казалось, что стоит им остановиться, как из мешка сразу же вырвется поток серых хищников.

Витас опустился на ящик, служивший им столом.

— Хватит! Хочу домой! — Крупные слезы потекли по закопченному лицу Витаса, оставляя светлые бороздки.

— Витас, перестань, пожалуйста, — с трудом сдерживая слезы, уговаривал друга Повилас. — Скоро приедем, погоди еще немножко...

По полу зацокали коготки. Мальчики обернулись и увидели крысу. Ту самую, что не боялась света и норовила вцепиться в руку. Каким-то чудом она избежала побоища. Нет, это уж было слишком. Путешественники не выдержали и в ужасе бросились к двери — к людям, к свету!

Лодка мягко ткнулась в прибрежный песок. Мальчики в последний раз оглянулись на «Тайфун», спящий в море, залитом лунным светом. Как удачно, что именно тут, всего в двух милях от страны Агнирен, в машине вышла из строя какая-то шестеренка и пришлось остановить пароход для ремонта.

Ребята с содроганием вспоминали трюм, в котором провели так много времени, битву с крысами и ту страшную минуту, когда они бросились к двери. Что удержало их? Пожалуй, только уважение к Виктору Семеновичу, боязнь подвести его. Ведь он так много для них сделал!

Первым опомнился тогда Повилас. Схватив за плечи друга, мальчик помешал ему отворить дверь. Витас не сопротивлялся. Он как-то сразу сник, словно израсходовал до капельки все свои силы.

Потом сидели рядом и молчали. Долго-долго. Каждый мысленно спрашивал себя, зачем он отправился в это путешествие. Конечно, отец Витаса поразил их воображение. И прославиться им очень захотелось, чтобы все знакомые мальчишки в Клайпеде завидовали!

Но они представляли себе путешествие совершенно иначе. Во всяком случае, и приключения разные должны быть, и враги, и опасности. Ну и, конечно, победа за победой. Тогда и путешествовать стоит!

А у них? Что это за путешествие? Одни неприятности, и никаких удовольствий. Темно, голодно, неуютно! Ни приключений тебе, ни подвигов. Сидят в трюме, словно преступники какие-то. Честное слово, в тюрьме, должно быть, лучше. А крысы? Бр-р-р!

Если б хоть знать, когда все это кончится! Так нет же — полнейшая неизвестность: еще, может, день, а может, и десять. Но надо терпеть во что бы то ни стало! Иначе они никогда не попадут в страну Агнирен, а Виктора Семеновича лишат боцманского звания.

На берег ребята выпрыгнули одновременно. Ни один не хотел уступить другому чести первым ступить на неведомую землю, которую им предстояло изучить и открыть, быть может, для всего мира. Боцман вышел из лодки только после того, как Витас и Повилас исполнили на песке замысловатый танец. Это была та самая пляска, которую мальчики считали индейской.

— Ну, хлопцы, мне пора!

— Куда? — поразился Витас. Ему почему-то казалось, что моряк покинет их не раньше, чем сведет с местными жителями.

— На «Тайфун», Витас. Поплыву дальше по морям-океанам. А вы тут дело, что задумали, выполняйте. Да хорошенько. Чтобы на «пять с плюсом». Ясно?

— Дядя Виктор, оставались бы лучше с нами! — для убедительности Повилас широко развел руками, как бы приглашая Виктора Семеновича в страну Агнирен.

— Знаю, что пригодился бы вам старый боцман... Но... сами понимаете, служба! Тут вас не обидят; рассказывали, что неплохой народ проживает. Зверей

вот диких остерегайтесь, слопают невзначай. Им это раз плюнуть...

— Отобьемся, — уверили Виктора Семеновича мальчики. Витас вытащил из рюкзака огромный штык-кинжал...

— Ого-го! — боцман взял клинок и с силой рубанул им сверху вниз. — Только цельте прямо в сердце, под лопатку.

— Это мы в Клайпеде нашли, фашистский. Еле-еле отчистили, — объяснил Витас, засовывая кинжал за пояс.

— Теперь я за вас спокоен, — боцман вытащил кисет и принялся набивать табаком свою замысловатую трубку. — Из ближайшего порта так и сообщу вашим родным: достигли, мол, цели, все благополучно, шлем приветы и поцелуи.

— Добавьте еще, чтоб не волновались, — смущенно попросил Витас.

— Выполню!

Прощание затянулось. Виктор Семенович несколько раз поцеловал мальчиков, снова и снова желал им удачи, до боли жал руки. Наконец вскочил в лодку и оттолкнул ее от берега. В тиши ночи долго еще слышался скрип уключин...

— Повилас, а на чем мы поедем домой? А?

Действительно, как они доберутся обратно в Клайпеду? Мальчикам стало вдруг не по себе. Но трудно было всерьез думать об этом, когда совсем рядом лежала таинственная страна, к которой они так настойчиво стремились. Возвращаться домой ребята пока не собирались, так что не стоило портить себе настроение. Придет время — придумаем, решили наши путешественники.

А теперь хорошенько осмотреться! За узкой полосой песка начинался лес. В лунном свете четко вырисовывались на опушке высокие деревья. Дальше все тонуло в густом черно-синем мраке. Даже на первый взгляд было ясно, что этот мрак скрывает смертельные опасности. Поэтому друзья решили ждать рассвета на берегу.

Повилас разулся и вошел в воду.

— Температурка! — восхитился он. — Сразу чувствуется, что не Балтика! Давай искупаемся!

После стольких дней плавания трудно было придумать большее удовольствие. Витас мигом сбросил куртку, рубашку и запрыгал на одной ноге, освобождаясь от брюк. Но тут... тут он спохватился, на лбу выступил холодный пот.

— Подожди! Остановись! — отчаянно крикнул Витас, заметив, что друг его разделся и собирается броситься в воду.

— Чего тебе?

— Акулы!!!

Повиласу сразу расхотелось купаться. И как это он не сообразил раньше? Конечно, в этих мирных на вид водах непременно водятся акулы. Да не простые, а тигровые.

— Спасибо, друг! — Повилас проговорил это так, будто Витас только что спас его от неминуемой гибели. А разве не спас? Конечно, все могло обойтись и благополучно, но если недалеко притаилась акула, тогда — смерть! Повилас поклялся в душе при удобном случае обязательно оказать другу не меньшую услугу.

Над морем прокатился и исчез где-то в лесу гудок. Это гудел «Тайфун». Раз, другой, третий. Пароход собирался покинуть агниренские воды. Мальчикам стало грустно. Рвалась последняя ниточка, соединявшая их с домом.

«Тайфун» развернулся и двинулся прямо в открытое море. С берега казалось, что огни парохода один за другим уходят под воду. На песок выкатилась легкая волна, за ней еще несколько. Они были как последние приветы от Виктора Семеновича. Увидятся ли они еще когда-нибудь с ним? Мальчики долго смотрели вслед «Тайфуну».

— Спать где будем?

Витас пожимает плечами. Ну и вопросы задает иногда Повилас! Словно пришел в гости и не знает, на какой стул лучше сесть. Забыл, что ли, где находится?

— Пошли!

Захватив вещи, мальчики медленно бредут вдоль берега. Ярко светит луна, чуть слышно плещется у ног море, жалобно поскрипывает под ногами песок.

Да, спешить им некуда. Никто не ждал их, никто не приготовил ночлега.

С непривычки свежий воздух пьянит мальчиков. Так хочется растянуться прямо на теплом сыпучем песке. Витас блаженно потянулся.

— А что, если завернуться в одеяла... — начал было он.

— И больше не проснуться, — угрюмо закончил Повилас. — Да? Ты это хотел сказать?

Витас промолчал. Уж очень неприятно, если тебя сожрет какой-нибудь зверь. Но не ходить же так целую ночь!

— Тогда давай заберемся на дерево...

— Удавы не хуже тебя умеют лазить. Понятно?

Тоже правильно, ничего не скажешь. И мальчики продолжают свой путь вдоль берега. Огни «Тайфуна» давно уже исчезли за одним из его поворотов. Ребята все чаще поглядывают в сторону леса. Витас судорожно сжимает рукоятку кинжала. Страшно!

— Костер бы! — почему-то шепчет Повилас.

— Классически!

Бегом, словно за ними кто гонится, ребята натаскивают кучу валежника.

— Один будет спать, а другой — на страже, — планирует Повилас.

— Точно! — Витас представляет себе, как устроится он у костра, и ему еще сильнее хочется спать.

Из лесу донеслись треск веток и чье-то тяжелое дыхание. Оно приближалось. Что почувствовали в этот момент мальчики? Ужас? Нет, не то слово. На какое-то мгновение им показалось, что их сердца провалились в желудки и бьются там беспомощно и слабо. Руки и ноги отказались служить своим хозяевам. Витас и Повилас окаменели, позабыв о кинжале.

На счастье, зверь не заметил их, хотя прошел совсем рядом. Снова захрустели ветки, потом все стихло.

— Ф-у-у-у, — тяжело перевел дух Повилас, опускаясь на песок.

— Лев?

— Нет, — авторитетно отверг Повилас. — Носорог!

— Ха! Ты откуда знаешь?

— Соображать надо. Разве льва услышишь? Ко-

нечно, нет. Он тише кошки. А носорог без треска не может... Но даже он боится огня.

Красноватое пламя сразу отодвинуло ночь. По жребию на вахту заступил Повилас.

— Возьми, — торопливо сунул ему кинжал Витас. Он был несказанно рад, что первое дежурство выпало на долю Повиласа. Конечно, потом не захочется вставать, но это потом. А сейчас спать!

Уже через несколько минут Повилас понял, как трудно бодрствовать ночью у костра, когда рядом заливчато храпит друг. Чтоб не заснуть, он начал пребольно щипать себя за ногу. Это помогло, но ненадолго. Снова отяжелели веки, снова налилась свинцом голова. Кивок, еще кивок, и Повилас стукнулся лбом о рукоятку кинжала, который он воткнул в землю перед собой.

Мальчик вскочил. Попробовал сделать зарядку, но усталость быстро придавила руки вниз. Подбросив дров, Повилас присел у костра на корточки. «Засну — смерть! Засну — гибель! Засну — могила!» — без конца повторял он, надеясь, что эти страшные слова отгонят от него, наконец, сон.

И действительно, помогло. Повилас вдруг почувствовал, что сон прошел. Рядом весело потрескивало, плясало пламя, далеко в лесу кричала не то птица, не то зверь, с моря потянул теплый-претеплый ветерок.

Мальчик ложится на спину и, широко раскрыв глаза, разглядывает густо усеянный звездами небосклон. Он думает о завтрашнем дне, о встрече с агниренцами, о чудесных открытиях, которые предстоит сделать... Чтобы лучше мечталось, Повилас прикрывает глаза. Повилас спит!

Слабеет огонь в костре, все ниже языки пламени. Едкий дымок скользнул по лицу Повиласа, но он сердито отмахнулся от него. Некоторое время еще светились рубинами угли. Потом и они слились с чернотой ночи...

Следы совершенно отчетливо проступали на мокром песке. Здесь прошел человек, и прошел недавно, так как волны не успели еще слизать отпечатки его босых ног. Следы начинались как раз напротив места, где провели ночь маленькие путешественники, и тянулись вдоль берега.

— Агниренец вышел из леса и прошел рядом с нами, — сразу нарисовал картину Повилас. — Только тут следы не так заметны, как на морском песке.

— Значит, он нас видел? — Витас очень гордился, что обнаружил следы первым. Поэтому его больше интересует другое: — Правда, я очень следопытный?

— Факт!

— Даже мама говорит...

— Что говорит?

— Что у меня особый нюх. Куда ни спрячь варенье, все равно разыщу.

— Подумаешь, увидел следы и сразу задается, —

презрительно кривит губы Повилас. — И совсем ты не следопытный... Я сказал, что агниренец нас обязательно заметил. Вот!

Витас чувствует себя смертельно обиженным. Он мерит друга негодующим взглядом и не находит слов, чтобы выразить свое возмущение. И тут ему приходит в голову коварный вопрос:

— А почему это ты не заметил агниренца, когда он проходил мимо? А? Ведь было уже совсем светло. А?

Повилас бормочет в ответ что-то не совсем вразумительное.

— А почему ты не разбудил меня ночью на смену? — видя смущение друга, увереннее наступает Витас.

— Я... мне... не хотел будить тебя, — выдавливает из себя, наконец, Повилас. — Чтоб выспался...

— Ишь, какой добренький! Заснул, наверно? — увидев, как страдальчески сморщилось лицо приятеля, Витас понимает, что попал в цель. — Эх, ты!

— Я только минутку, — торопливо оправдывается Повилас. — Знаешь, прикрыл глаза и сразу открыл их...

Но Витас неумолим. Много неприятных слов услышал бы еще Повилас, если бы не заметил на песке довольно четкое изображение молота и наковальни. Как раз в том месте, где обрывались следы на морском берегу.

— Агниренец?

— Ага! Пальцем на песке рисовал...

Присев на корточки, мальчики долго рассматривали рисунок. Теперь их покинули последние сомнения относительно места, куда привез их боцман с «Тайфуна». Виктор Семенович сдержал свое слово. Теперь очередь за ними! Что ж, они готовы!

А рядом таинственно шумел лес. Всего несколько шагов отделяли от него, но уж очень трудно сделать их в незнакомой стране. Здесь, на берегу, все казалось обычным: и песок под ногами, и легкий прибой, и огромное, словно отдохнувшее и набравшееся за ночь сил, солнце. И видно далеко-далеко...

— Он еще придет? — спрашивает Витас.

— А может, он и не уходил никуда? Следит за нами?

Мальчики вглядываются в темную стену деревьев. Но агниренца нигде не видно. Из леса доносится утренняя перекличка птичьих голосов да шелест листьев под напором ветра с моря.

— Что будем делать?

— Кушать, — не раздумывая, отвечает Витас.

— Это ты хорошо придумал, — одобряет Повилас. Он тоже не прочь позавтракать, тем более что на сытый желудок и думается легче.

Недалеко бил родник, и мальчикам не пришлось долго искать пресную воду. В этом они увидели доброе предзнаменование. Ведь, по рассказам Повиласа, а он читал об этом во многих книгах, даже известные путешественники гибли и терпели страшные мучения из-за отсутствия питьевой воды.

Беда пришла с другой стороны. После детального обследования рюкзака выяснилось, что, кроме нескольких сухарей, пяти кусочков сахара и пачки вермишели, у мальчиков ничего не осталось из съестного.

— Ты хорошо смотрел?! — удивился Витас.

— Еще как!

— Колбасы совсем нет?

— Ни кусочка. И сыр закончился и сало...

— Тогда разжигай костер!

— А ты что будешь делать? — Витасу очень не хотелось заниматься таким хлопотным делом. Натаскать сучьев — полбеды, с этим он еще справится. Но как сложить их так, чтобы они разгорелись? Повиласу это удается, говорит, что его отец на рыбалке выучил.

— Вермишель подготовлю.

— А как ее подготовить?

— Промою...

— Ты умеешь?

— Факт! — Повилас отвечает очень уверенно, но сам изо всех сил старается припомнить, как варила вермишель мама. Кажется, промывала и перебирала... Или только перебирала? Или поджаривала? Совершенно точно он знал способ приготовления только одного блюда. Называется оно — «картошка в мундире».

И все же Повилас смело берется за дело. Прежде всего он мелко-намелко растирает руками тонкие вермишельные палочки.

— Зачем? — интересуется Витас. Он с унылым видом собирает хворост для костра.

— Неужто не знаешь? — Повилас спрашивает это таким тоном, будто говорит: «Ну и глупый же ты!»

— Нет.

— Так всегда делают, чтобы очень длинные вермишелины не получались.

— Почему?

— Ну... Ну... Мама всегда так делает.

Затем Повилас бросает вермишель в котелок с родниковой водой.

— Промою, и будем варить, — объясняет он другу. — Разжигай костер.

Вермишель набухает и превращается в серую клейкую массу. Повилас сразу соображает, что допустил какую-то оплошность: наверное, нужно было поджарить, а не промывать. Чтобы отвлечь внимание Витаса от котелка, он просит его заняться пока рыболовными снастями, а сам разжигает костер.

И вот уже весело потрескивает огонь. Вода в котелке быстро закипает.

— Сейчас будем кушать, — говорит Повилас. Но тут вермишель поднялась шапкой и белым языком, шипя и стреляя, потекла в огонь. Мальчик снимает котелок и откладывает в тарелку часть его содержимого. Это приходится делать несколько раз. Котелок начинает казаться Повиласу бездонной бочкой, в глубине которой спрятана машинка, изготовляющая вермишель. Хуже всего, что рядом стоит Витас и откровенно насмехается над ним.

Завтрак прошел в молчании. С трудом глотая горячую скользкую массу, мальчики думали, что на обед у них не будет даже ее. Вместо чая напились родниковой воды с сухарями и сахаром.

— Все! — грустно подытожил Витас, разгрызая пополам последний кусочек сахару. — И почему это больше не приходит агниренец?

— Да, надо что-то делать...

— Пойдем пока наловим рыбы, уху сварим.

— Здесь должна быть тьма рыбы — вода теплая!

Для ловли понадобились удилища, и мальчики, скрепя сердце, решились сходить на опушку леса, до первых кустов и бегом обратно. Авось пронесет?!

— Слушай, а лес тут совсем такой, как в Паланге! — удивляется Витас, когда они вышли на опушку.

— Ага! Сосны, орешник...

— Так мы ведь в тропиках!

— Совсем не обязательно.

— А носорог?

— Ну и что же тут особенного! В стране Агнирен все может быть: и носороги, и сосны, и акулы, и орешник!

Логика Повиласа кажется Витасу «железной». Действительно, почему в таинственной Агнирении не могут быть и носороги, и акулы, и сосны, и орешник? Конечно же, могут!

Сломав по длинному пруту, мальчики стремглав мчатся на берег. Здесь как-то спокойнее.

Место для ловли выбрали метрах в пятидесяти от родника. Берег тут нависал над водой, и было удобно далеко забрасывать леску. Но только мальчики накопали червей, как раздался сильный свист...

— Агниренцы! — разом вырвалось у путешественников. Они и обрадовались и испугались.

Свист повторился.

— Пошли! — шепотом позвал друга Повилас.

И мальчики двинулись на свист. Сперва медленно, а потом бегом. Вот и место их стоянки. Мальчики оглядываются по сторонам — никого нет. Но что это?

— Ты укладывал рюкзак? — спрашивает Витас.

— Нет.

— Тогда почему он уложен?

Подойдя ближе, мальчики увидели у рюкзака стрелу. Она была нарисована на песке и указывала в сторону леса.

— Знак! — загорелся Повилас.

— Пойдем? — колеблется Витас.

— Факт! Раз знак, значит опасности нет...

Хорошо утоптанная тропинка причудливой змейкой вилась среди высоких деревьев, ныряла под густые заросли кустов, легко взбегала на холмики и, словно торопя путника, стремительно обрывалась вниз. Мальчики, тесно прижавшись друг к другу и настороженно оглядываясь по сторонам, уходили все дальше от берега в глубь загадочной страны. Где-то далеко наверху многоголосо пели птицы, в траве наперегонки стрекотали кузнечики, тихо-тихо шелестела листва.

— Никого и ничего, — Витас засунул кинжал за пояс. После того как Повилас заснул у костра и их только совершенно случайно не растерзали дикие звери, Витас решил, что именно он должен руководить экспедицией. Повилас чувствовал это, но вынужден был молчать — стыд за случившееся ночью до сих пор жег ему щеки. Заснуть на посту! Какой позор!

— Это только так кажется, — все же возразил

он, — а замешкайся на минутку, враз какой-нибудь зверь появится. Сам понимаешь!

И будто в подтверждение сказанного недалеко послышались чьи-то тяжелые, уверенные шаги: «Чав-чав, чав-чав». Потом совсем близко затрещали кусты. Мальчики ничком бросились на землю.

— Притворись мертвым! — отчаянным шепотом успел подсказать другу Повилас.

Закрыв глаза, они вытянулись в густой траве и замерли. А рядом топало и громко чавкало какое-то огромное животное. Вот оно подошло вплотную, сильно втянуло в себя воздух и... Шаги стали удаляться. Только тогда Повилас решился чуть-чуть приоткрыть веки. Сквозь сеточку ресниц мальчик увидел исчезавшую в кустах черную тушу.

Шаги давно уже стихли вдали, а мальчики все никак не могли решиться «ожить».

— Спасены?!

— А вдруг вернется? — прошептал Повилас.

— Кто это?

— Тигр!

— Ого-го-го! А я совсем не смотрел.

— Знаешь, весь в черных полосах, страшный-престрашный! — Повилас приподнялся. — Глаза как блюдца, блестят! Хвост по земле волочится! Вот!

— Врешь ты все, — заявил неожиданно Витас.

— Как это вру? — опешил Повилас.

— Очень просто — языком. Во-первых, тигр так не топает, а во-вторых, я читал, что он, даже если сыт, обязательно набросится и разорвет...

— Да я сам видел, вот этими самыми глазами, — Повилас, забыв об опасности, вскочил на ноги. — Топал он нарочно, чтобы нас испугать, а не разорвал потому, что почуял более вкусную добычу. Это ты ему не понравился, ты!

Последние слова друга Витас воспринял как кровную обиду. Ему даже в голову не пришло, что было бы несравненно хуже, если бы он, Витас, пришелся тигру по вкусу.

— Тоже мне нашелся вкусненький, сдобненький! Да я, если ты хочешь знать, в сто раз... — тут Витас осекся. Сказать: «вкуснее» — смешно, ведь он ни ра-

зу не пробовал, «сдобнее» — словно булки сравниваешь.

На этом разговор оборвался.

Тропинка пошла в гору. Лес поредел, все больше солнечных лучиков веселилось на стволах деревьев. Первым достиг вершины Повилас. Осторожно высунувшись из-за раскидистого куста, он окинул взглядом большую поляну у подножия холма. Посмотрел, потом еще раз и вдруг, не говоря ни слова, перекувырнулся через голову. Витас недоуменно смотрел на товарища. А тот еще прошелся колесом.

Тогда Витас тоже выглянул из-за куста, и ему захотелось немедленно последовать примеру Повиласа. На поляне раскинулся городок! Вернее, не городок, а два ряда одинаковых шалашей.

Немного в стороне — большой навес с крышей из веток. Рядом с навесом поднималась высокая труба, из которой клубами валил дым. Между шалашами — дорожки, посыпанные песком, у навеса — круглая клумба, густо усеянная крупными цветами: красными, синими, желтыми, фиолетовыми. С холма клумба показалась мальчикам чудесным ковром.

По дорожкам сновали люди. Они были в рубашках с подвернутыми рукавами и в трусах. Лица издали трудно было различить.

Люди сошлись у навеса, построились, потом разбились на несколько небольших групп, по три-пять человек в каждой. Порыв ветра донес до мальчиков отрывки какой-то команды. Повинуясь ей, группы быстрым шагом двинулись в разные стороны.

Городок обезлюдел. Если бы не дым из трубы, можно было бы подумать, что он навсегда оставлен своими обитателями. Но вот из-под навеса вышел человек в белом колпаке.

— Повар! — радостно вырвалось у Витаса. Ох, как же соскучился он по вкусной пище! При одной этой мысли у него потекли слюнки. — Пошли!

Перебегая от куста к кусту, мальчики подобрались вплотную к лесному городку. Впереди их ждало величайшее событие в жизни. Сейчас, сейчас оно произойдет! Шаг, еще шаг.

Мальчики притаились за одним из шалашей. Отсюда был хорошо виден агниренец в белом колпаке.

— Да это же не повар, а повариха, — прошептал Повилас.

— Вот и хорошо... Она одна. Выйдем познакомимся... — Витас не сказал, что его немножко страшит встреча с мужской половиной населения Агнирении, но Повилас его понял, так как все время думал о том же самом.

Словом, им очень повезло, что в лесном городке осталась только повариха. К тому же у нее такое приветливое и симпатичное лицо!

— Что мы ей скажем?

— Ну, поздороваемся, расскажем, откуда мы, зачем приехали, — наставительно ответил Витас.

— А на каком это языке? Может, на литовском? На русском? Или ты агниренский знаешь?

— Вот задача, — почесал в затылке Витас. — Погоди-ка, погоди... Сейчас припомню... «Раму»? Нет, не так. «Ра́шу»? Не то. Есть! «Раву сабо»! Помнишь?

Да, теперь Повилас вспомнил. Этими словами приветствовал капитана Мажутиса смуглый мальчик из страны Агнирен. Молодец Витас, ну и память!

— Подойдем ближе...

Агниренка в белом колпаке даже присела от испу-

га, когда перед ней неожиданно появились два мальчика. С особой опаской она глядела на Витаса, который, сам того не замечая, сжимал в руке штык-кинжал.

— Раву сабо! — стараясь говорить возможно приветливее, с расстановкой произнес Повилас и отдал пионерский салют.

— Бой *, — уже скорее удивленно, чем испуганно сказала повариха.

— «Мальчик», говорит, — перевел Витас.

— Сам знаю, — недоумевал Повилас и снова с расстановкой повторил: — Раву сабо!

— Не понимаю! — по-английски ответила девушка. Она тоже была одета в рубашку и трусики, рукава подвернуты, волосы аккуратно убраны под поварской колпак. На плечах — небольшие погончики из той же материи, что и рубашка.

— Опять английский, — определил Витас. — Вот как оно получается...

Мальчики одновременно вспомнили школу, уроки английского языка, которые они никогда не считали «основными». И не только они. Получишь тройку по литературе или математике — домой идти боишься, заругают. Ну, а по английскому — прочтут легкую нотацию о пользе иностранных языков. И все! Но это в Клайпеде... А теперь?

Тем временем девушка оправилась от испуга.

— Хау ду ю ду **, — она протянула мальчикам руку.

Рука у нее была маленькая, но крепкая. Витас почувствовал, как хрустнули у него пальцы.

— Витас, — представился он.

— Ген, — назвала свое имя девушка.

— Повилас.

После этого девушка отошла немного в сторону, где висел на веревках небольшой барабан. Тревожная дробь понеслась над поляной.

— Сигнализирует, — посерьезнел Витас, — вызывает кого-то...

— Ага!

---

* Мальчик. *(Англ.)*

** Здравствуйте. *(Англ.)*

А Ген, послав сигнал, вернулась к мальчикам. Весело болтая что-то по-английски, она отобрала у них рюкзак и кинжал.

— Садитесь, — жестом пригласила агниренка к столу, но тут же раздумала. Почему? Ответ на этот вопрос дало мальчикам зеркало, которое протянула им Ген. Они были грязны, грязны до безобразия.

Пока наши путешественники разглядывали черно-синие потеки на своих физиономиях и покрытые копотью уши, Ген раздобыла где-то большой кусок мыла. Она уже поняла, что ее новые знакомые не владеют английским языком, поэтому старательно подкрепляла свои слова жестами.

— Мыться! — девушка отвела мальчиков к тихому прозрачному ручейку, протекавшему в нескольких шагах от крайнего шалаша, и оставила одних.

— Ну как?

— Классически! Попали куда надо!

— Вот если б ребята узнали! Лопнули бы от зависти! Факт!

— Теперь все записывать...

Мальчики весело плескались в воде, потом они стали смывать мыльную пену, которая никак не становилась белой.

— Да мы с тобой, Витас, всех путешественников за пояс заткнем! Куда им до нас?! Вон в Антарктиде и самолеты, и вертолеты, и вездеходы, и радио, и газ даже... Вот если бы они, как мы, в трюме добирались. Без радио, с одним кинжалом...

— Повилас, а могут нас наградить, когда обо всем узнают? — загорелся Витас.

— И не надейся, — ответил Повилас, растирая полотенцем спину. — «Мальчишки», — скажут.

— В войну награждали.

— Так то в войну...

Рубашек решили не надевать, чтобы побыстрее загореть под тропическим солнцем.

На столе под навесом стояла пара глиняных мисок. Возле каждой — деревянная ложка. Плоские поджаренные лепешки лежали на больших зеленых листьях.

— Вместо хлеба, — сразу взял на заметку Повилас, — и миски сами делают.

Ген пригласила их к столу. Если бы мальчики не находились в Агнирении, они поклялись бы, что борщ, которым угостила их повариха, мало чем отличался по вкусу от того, что готовила мать Витаса в Паланге. Только там, дома, он назывался литовским, а здесь... Здесь им было еще неизвестно его название. Во всяком случае, и это не вызывало сомнений, борщ был очень вкусным.

Пока мальчики уничтожали первое, Ген длинным ножом разрезала большой кусок мяса. Две порции отложила. Работала она быстро. Лицо девушки разгорелось, из-под шапочки выбилась светлая прядка волос.

— Это для нас, — толкнул товарища в бок Витас, кивая в сторону отложенных порций.

— Сырое?

— Почему бы и нет? Может, тут мясо сырым едят. Суп варить научились, а мясо еще нет.

— А как же мы?

Витас решительно поднялся, подошел к Ген и, отчаянно жестикулируя, стал просить поджарить для них мясо, так как они не едят сырого. Мальчик показывал на мясо и на огонь, щелкал зубами, шипел, подводил девушку к печи... Наконец она поняла.

— Вот как! — гордо возвратился на место Витас после того, как куски мяса очутились на железном листе, отдаленно напоминающем сковороду. — Я с кем угодно объяснюсь! И без английского!

Раздался пронзительный свист, и из кустов выскочило трое агниренцев. Они бежали к навесу, под которым сидели путешественники. Мальчики вскочили. Ген, оставив стряпню, вышла навстречу юношам.

— Вот это да! — восхитился Повилас. — По сигналу прибежали. Гляди, рубахи мокрые!

— Классически!

Несколько минут юноши совещались с Ген.

— Узнают, не обидели ли ее, — решил Повилас, который всегда все знал.

— Так ведь мы ничего, — забеспокоился Витас. Веснушки ярко проступили на его лице. Они всегда выдают его волнение.

Между тем молодые люди направились к мальчикам. Это были высокие, стройные юноши со смуг-

лыми лицами и почти совсем черными руками и ногами. Одеты как Ген. Только без поварских колпаков.

— Раву сабо! — еще раз попробовал найти общий язык с жителями Агнирении Повилас.

— Бим.

— Бом.

— Бам, — ответили юноши.

Имена юношей прозвучали словно три удара колокола: «Бим-бом-бам!» Затем молодые люди стали бесцеремонно рассматривать мальчиков. И не только рассматривать. Оживленно переговариваясь, они ощупывали у Витаса и Повиласа мускулатуру, заставляли сгибать и разгибать руки. При этом лица юношей недовольно морщились. Им явно не нравилось слабое телосложение пришельцев из-за океана.

Мальчики растерялись. К чему этот осмотр?

— Неужто в рабство? — Повилас вспомнил, что точно так поступали работорговцы в «Хижине дяди Тома», выбирая среди невольников самых сильных.

— Рабство?! — ужаснулся Витас. Этого он не мог себе представить. Советский пионер—и раб! Нет. Повилас что-то путает.

— Если что — бежим. Лучше смерть! — Повилас шагнул к другу.

Но тут молодые люди дружелюбно протянули мальчикам руки.

— Вери гуд, вери гуд! * — поняли путешественники. Мол, добро пожаловать в страну Агнирен!

---

* Очень хорошо! *(Англ.)*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В шалаш, который находился в стороне от остальных, мальчиков провожал Бим. Видимо, он был старшим среди юношей, так как Бом и Бам беспрекословно ему подчинялись. Мускулистый, с открытым красивым лицом, Бим невольно вызывал симпатию. Рюкзак мальчиков казался совсем маленьким на его широкой спине. Шагал он неторопливо, но каждый шаг был таким, что Витас и Повилас едва поспевали за ним.

Новое жилье сразу понравилось мальчикам. В шалаше было просторно и прохладно. Грубо сколоченные нары покрыты толстым слоем сена. Пахнет лугом и еще чем-то: то ли парным молоком, то ли солнцем, если, конечно, такой запах существует. Здесь же висела одежда.

— Бай, бай, — Бим показал на нары.

Повесив рюкзак на гвоздь, мальчики переоделись.

Теперь они были одеты так же, как Бим: в трусах и рубашках с закатанными рукавами, только без погончиков. Бим одобрительно похлопал их по плечам.

— Вери гуд! Гуд бой! *

Повилас взял Бима за руку и подвел к нарам:

— Сит даун, плиз **.

Юноша присел, с любопытством поглядывая на мальчиков. Витас сунул ему в руку атлас мира и задал по-английски вопрос, который они столько раз задавали морякам в Клайпедском порту:

— Где находится страна Агнирен?

Бим недоуменно повертел книгу и, так и не раскрыв ее, начал быстро говорить, показывая то на небо, то на землю. Мальчики не понимали ни слова. А Бим все говорил и говорил.

Тогда Повилас взял у него атлас, раскрыл на странице с изображением карты мира и снова повторил вопрос. Но Бим, прищелкивая от восхищения языком, пришел в настоящий восторг; отобрал у ребят атлас и уселся с ним у шалаша на солнце, листая страницу за страницей и весело смеясь.

— Слушай, Витас, да он не знает, что такое карта!

— Может, и неграмотный?

Мальчики были удивлены. Им это казалось просто невероятным. Конечно, они не раз читали о странах, где большинство детей не имеет возможности учиться. Но чтобы такой юноша, как Бим, никогда в жизни не видел обыкновенной географической карты?! Ужасно!

— Держите, — Витас принес Биму листок бумаги и карандаш. Тот написал на бумаге несколько слов и протянул листок Витасу.

— Грамотный... — определил мальчик, — а географии не знает. Тут, наверное, все такие. Как же мы теперь?

— Будем их географии учить! — воодушевился Витас. — Объясним, что Земля круглая, карты покажем, — ему явно нравилась мысль заняться обучением агниренцев.

— Ха! Тоже придумал!

---

* Очень хорошо! Хороший мальчик! *(Англ.)*

** Садитесь, пожалуйста. *(Англ.)*

— А почему бы и нет?

— Ну какие из нас учителя? Сам подумай. Наше дело изучить тут все как есть и всему миру сообщить. А географии их и без нас выучат. Может, даже географа из нашей школы пошлют?

— Это ты правильно. По-английски он здорово болтает!

— Давай лучше сами учиться.

Но Витасу не особенно улыбалось это во время каникул. Да и чему можно научиться у людей, для которых географическая карта в диковинку? Как-никак у них за плечами уже по пять классов, и здесь, в стране Агнирен, они, пожалуй, самые образованные люди. Все равно, что профессора или даже академики.

— Конечно, образование у них не то, — продолжал Повилас, — но нужно... Без английского нам ни туды и ни сюды. Факт!

— Ладно, — нехотя согласился Витас. — Только давай так: показывать на предметы, они будут называть их по-английски, а мы запоминать. Чтоб без уроков...

Бим возвратил мальчикам атлас и поманил их из шалаша. В полуденном зное колокольчиком звенел голос Ген. Она весело переговаривалась с Бомом и Бамом. Ребята пошли за Бимом, который направился прямо к лесу.

Едва они вступили под его зеленую крышу, как снова, в третий раз, рядом затрещали кусты и послышались чьи-то тяжелые, уверенные шаги, те же, что так напугали мальчиков ночью и утром. Витас и Повилас готовы были броситься на землю, но Бим продолжал невозмутимо шагать вперед. Тогда Витас одним прыжком догнал его и схватил за локоть.

— Р-р-р-ры, — зарычал он, щелкая зубами и показывая в ту сторону, где двигалась в кустах огромная черно-белая туша.

— Му-у-у! — пренебрежительно махнул рукой Бим.

Мальчики пригляделись. Это была корова черно-белой масти.

— Эх, ты! — даже сплюнул от негодования Витас. — Носорог, тигр, глаза как блюдца! А я тоже, дурак, уши развесил...

— Так... ведь... я ничего, — растерянно забормотал Повилас.

— Как влеплю сейчас! — вконец разозлился Витас. Он не мог простить товарищу пережитого страха.

— Бой, бой, — укоризненно покачал головой Бим.

Слова юноши отрезвили Витаса.

Тропинка привела их к морю. Бим зашел по колено в воду и сразу же стремглав побежал обратно к берегу. Потом нарисовал на песке огромную рыбу, в которой ребята легко угадали акулу.

— Здорово рисует! Факт!

Рядом с акулой Бим изобразил другую рыбу, с очень длинным и тонким носом.

— Рыба-меч! — узнал Повилас. — Она такая сильная, что пробивает борта даже у железных пароходов. Как торпеда, а меч будто из крепкой стали...

На песке появился еще один рисунок. Приподнявшись на своих ногах-щупальцах, таращил глаза осьминог.

— Вот, а ты хотел купаться, — подойдя к Биму, Витас показал сперва на рисунки, а потом в сторону моря.

— Иес, иес! * — закивал тот головой.

— Теплая, да бестолковая, — сделал вывод Повилас.

— Кого это ты ругаешь? — не понял Витас.

— Да воду эту тропическую. У нас хоть холоднее, да зато гадости всякой нету. Купайся сколько хочешь. А тут попробуй! Акуле ногу оттяпать это раз-два, все равно, что тебе огурец перекусить, — и Повилас повернулся к воде спиной. Кто-кто, а уж он ни за что не станет купаться в этом кишащем гадами море.

На берегу было нестерпимо жарко. Витас и Повилас стали снимать рубахи, но Бим жестами приказал им снова надеть их. Когда двинулись дальше, мальчики оценили его заботу. Пришлось пробираться через такие заросли, что, будь они без рубашек, колючки бы в кровь разодрали им тело.

Вскоре вышли на опушку леса. Здесь обрывалась всякая растительность. Впереди лежали сыпучие пески. Сероголовыми великанами вздымались к небу

---

* Да, да. *(Англ.)*

дюны. Казалось, что по опушке проходит граница жизни.

Показав в сторону пустыни, Бим нарисовал двух зверей.

— Лев и тигр! — торжествующе вскричал Повилас. — А ты увидел корову и сразу на меня... Нет, Повилас никогда не ошибается! Да я всего Брэма прочел! Понял? Тигры и львы, львы и тигры! — лицо мальчика было так радостно, словно львы и тигры его самые лучшие приятели, без которых он никак не может обойтись.

Между львом и тигром Бим нарисовал еще две огромные кости. Но это нисколько не охладило Повиласа. Конечно, он постарается избегать этих мест. Но главное, утер нос Витасу, а то больно уж задается.

— Ты вот скажи лучше, где водятся львы? А? — Повилас тянет Витаса за рубашку. — Да не отворачивайся! Ну, чего молчишь? Ладно уж — скажу: в Африке и на юге Азии.

— Значит...

— Теперь и дурак сообразит, — оборвал Повилас друга.

— Значит, в Африке?

— Факт!

— А может, в Индии?

— Вот еще придумал! Сказано тебе — в Африке!

— Ладно, все равно далеко от дому...

— Как это все равно? — возмутился Повилас. — Мы обязаны точно установить, где находимся.

— Понятно. Я только говорю, что до Клайпеды отсюда далеко... Как ты думаешь: там сейчас день или ночь? — вздохнул Витас. — Наверное, ночь. Все спят. Мама тоже спит, а папа — в Москве.

— Мой дома, если только не в ночную смену работает. А может, на рыбалку поехал. Это он у меня любит.

— А вдруг они решили, что мы погибли? — предположение Витаса всполошило мальчиков. Только теперь они осознали, как должны волноваться родители, у которых в один прекрасный день неизвестно куда пропали сыновья.

— Виктор Семенович обещал сообщить им о нас.

— Раз обещал, значит — сделает, — воспрял духом Витас. — Правильный человек!

Бим стоял рядом, озабоченно поглядывая на загрустивших вдруг мальчиков. Потом решительно перечеркнул изображение диких зверей. Очевидно, решил, что именно они испортили настроение его спутникам.

И снова лес, снова густые заросли кустов и мягкий зеленый ковер под ногами. Мальчики молча шагают за Бимом. Им, честно говоря, почему-то очень хочется плакать. Но вот лес поредел, впереди между деревьями замелькали прогалины, и они вышли к прозрачной речушке, наглухо перегороженной земляной плотиной. Грусть сразу прошла, уступив место любопытству.

На плотине, выше которой разлилось озерцо, работало несколько юношей. Они старательно обкладывали дерном земляные откосы. Бим что-то громко прокричал им. В ответ раздалось:

— Гип, гип, ура!

Оставив работу, юноши спешили познакомиться с мальчиками. У них были короткие, трехбуквенные имена, вроде Вин, Ант, Ион...

Весь день знакомил Бим мальчиков с Агниренией. Ее жители строили у запруды большой городок из шалашей с деревянным домом в центре. Всего здесь работало человек двадцать. Девушки обмазывали глиной крыши шалашей и сверху снова покрывали их ветками. Юноши плотничали, ловко обтесывая топорами бревна. Работали весело и быстро, словно наперегонки.

Мальчиков встречали приветливо, но, кроме Бима, никто не задерживался возле них надолго. Все спешили вернуться к прерванной работе. Повилас несколько раз громко говорил при них «раву сабо», но его не понимали.

— Напутал что-то твой отец.

— Он никогда ничего не путает! — гордо вскидывает голову Витас.

— А почему это агниренцы по-английски разговаривают?

— Вот я тоже удивляюсь...

— Значит, согласен?

— Что папа напутал? — уточняет Витас. — Нет, не согласен, ни капельки не согласен...

— Будто уж твой отец никогда не ошибается? — усмехается Повилас.

Витас лихорадочно соображает. И тут ему приходит в голову блестящая мысль. И как только он не сообразил раньше!

— Просто мы с тобой совсем к другому племени попали! Вот! — торжествующе говорит Витас.

— Идея! Действительно, почему в стране Агнирен не может быть нескольких племен, говорящих на разных языках?—Повиласу становится даже немного стыдно, что он усомнился в капитане Мажутисе.

— А еще ты заметил, что мы не встретили ни одного пожилого человека?

— Ага! И детей тоже.

Попробовали узнать у Бима, но он или не понял их жестов, или просто не захотел объяснить. Тогда Повилас сочинил целую теорию, которую тут же изложил другу:

— Мы попали в рабочий отряд. Он целину поднимает. Факт! Потом сюда все племя переселится. Может, даже столицу себе устроят...

— А дом — для царя своего, — подхватил Витас. — Как ты думаешь, у них есть царь? Вот бы посмотреть. Я еще никогда живого царя не видел. А ты?

— И я!

Вечером, отшагав добрый десяток километров, мальчики возвратились с Бимом в городок. После ужина их сразу отправили спать. Удобно устроившись в шалаше на душистом сене, Повилас вдруг совершенно серьезно заявил:

— Революцию устраивать надо.

— Какую революцию?! — даже подскочил Витас.

— Настоящую! Потому они и географии не знают, что у них царь. Не дает им учиться, и все! Что захочет, то и делает! Вот как! У-у, буржуй толстопузый! Давай свергнем его!

— А если он добрый?

— Кто?

— Ну царь..

— И как тебя только в пионеры приняли? Разве цари бывают добрыми? Нет, разговор с ними короткий: чик — и голову долой!

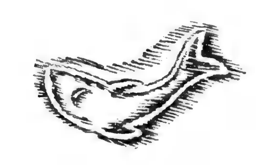
— Снова врешь! — нарочито спокойно говорит Витас.

— Так ты против революции?

— Против тебя. Ничего еще не знаешь, а уже царя свергать решил. Может, его и нет здесь вовсе?

Этот довод огорошил Повиласа. Казалось, все продумал, даже план революции наметил, а тут такая неурядица. Ведь в Агнирении действительно может и не быть царя.

— Это я на тот случай, если имеется...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Уже пятый день живут в стране Агнирен наши путешественники, но еще не приступили к научной работе. Как представляли они ее себе? Да очень просто: с утра до вечера ходить повсюду, все изучать и подробно записывать, если нужно, даже зарисовывать. Но ничего не получилось. Бима, который взял над ними шефство, совершенно не интересовали их научные планы. Вернее, мальчики были уверены в этом, Бим просто не понимал, что это такое. А если и понимал, то не придавал никакого значения научной работе. Обидно! Но чего можно ожидать от человека, который только несколько дней назад впервые в жизни увидел географическую карту!

Вообще жилось им несладко — во всяком случае, хуже, чем бы они хотели. По плану, который наметили себе мальчики вскоре после прибытия в страну Агнирен, все выглядело совсем иначе. Дни должны были проходить примерно так.

Подъем не раньше девяти, ибо, как объяснил Повилас, только хорошо выспавшийся человек может плодотворно и научно думать. После завтрака часполтора отводилось солнечным ваннам. Это было тоже теоретически обосновано: в более поздние часы хуже ложится загар. Затем купание в запруде у строящегося городка, чтоб не разучиться плавать; прогулка по берегу океана — очень полезно дышать морским воздухом; рыбная ловля — не лежать же без пользы крючкам и лескам, прихваченным из Клайпеды. Ну и, конечно, обед, полдник, ужин. После обеда поваляться немного в шалаше на мягком сене.

Вот, пожалуй, и все. Ну, а остальное время, до минутки, отводилось в планах мальчиков научной работе. Но им не удавалось осуществить своих намерений.

Бим будил их так рано, что солнце не успевало еще рассеять тумана в низинах, а птицы только-только начинали свой утренний разговор. В первый раз они нехотя подчинились. На следующий день просто-напросто отказались вставать в такую рань. Но их протест не произвел на Бима ровным счетом никакого впечатления.

Не изменив даже выражения лица, он поочередно вынес мальчиков из шалаша. Когда же они и тут улеглись на землю, сбегал под навес и принес оттуда ведро с водой, которой, не раздумывая, окатил Витаса и Повиласа.

Мальчикам пришлось не только подниматься одновременно со всеми обитателями городка, но и делать массу других, совершенно не входивших в их планы вещей. Кому, например, покажется приятным бежать чуть свет километр по лесной тропинке ради того, чтобы окунуться у плотины в холодную воду? А потом так же быстро мчаться обратно. Или помогать Ген счищать копоть с кухонных котлов? Или укладываться вечером спать, когда на дворе еще совсем светло?

Самое обидное, что никого не интересовало их мнение по этому поводу, никто не понимал, как окончательно и бесповоротно нарушены их планы. За ними не признали даже права на солнечные ванны.

Просто заставили снимать рубашки во время работы: мол, загорите и так, нечего на солнышке нежиться.

Работать приходилось много. Причем Витасу и Повиласу не делалось никакой скидки на неумение или возраст. Они пилили толстые бревна и замешивали глину, рыли землю и заготавливали дерн. Конечно, никто не подгонял их, но Бим, который всегда находился рядом, удивительно точно определял, когда они действительно устали, а когда просто ленятся.

В первом случае он тоже оставлял работу и усаживался вместе с мальчиками. Но и тут не было покоя. Начинался урок английского языка. Точнее, литовско-английского, так как их наставник очень старательно заучивал литовские слова и фразы. Если говорить честно, куда старательнее и успешнее, чем его ученики.

Мальчиков поражали способности Бима. Пока Повилас и Витас усваивали одно английское слово, он запоминал десятка два литовских. Казалось, они как-то сами собой врезаются в его память. Было завидно и немного стыдно. Ведь такие успехи в языке делал человек, которого мальчики считали по развитию значительно ниже себя, почти дикарем.

Волей или неволей, но мальчикам пришлось выучить порядочное количество английских слов. Их школьная учительница была бы несказанно удивлена этому. Но одно дело, когда учишь английский в Клайпеде, и совсем другое — в стране Агнирен, где он нужен на каждом шагу.

Если же Бим замечал, что мальчики просто отлынивают от работы, он окликал девушек и просил их заменить слабосильных путешественников. Свои слова юноша подкреплял такими красноречивыми и презрительными жестами, и девушки так откровенно потешались над мальчиками, что с них как рукой снимало «усталость».

Но сегодня Витас и Повилас надумали во что бы то ни стало избавиться от опеки Бима и хотя бы несколько часов провести по своему усмотрению, тем более что на это были серьезные причины. Все равно они не в силах больше работать. У них ноют все мускулы: и на руках, и на спине, и на животе, и да-

же на шее. А ладони? Одни волдыри. И все потому, что перепилили множество бревен (может, и не так уж много, но с непривычки показалось целый лес).

Позавтракав, мальчики показали Биму свои ладони. Юноша огорченно зацокал языком. Потом принес какую-то мазь и обильно смазал ею волдыри.

— Отдыхайте, — отчетливо сказал по-литовски Бим и ушел вместе со своими товарищами.

— Времени у нас немного, — сразу заторопился Повилас.

— Действуй!

Мальчики достали из рюкзака бутылку. Отправляясь в путешествие, они заполнили ее медом. Мед был давно съеден, а бутылку запасливый Витас спрятал на всякий случай. Теперь она пригодилась.

— Не забудь карандаш и бумагу.

— Тут, — похлопал себя по карману Повилас. — А ты захвати кинжал...

Знакомая тропинка быстро вывела мальчиков на берег. Необозримая водная гладь раскинулась перед ними, голубая, прозрачная. Трудно было разобрать, где кончается океан и переходит в такую же голубую и прозрачную чашу небосвода.

— Парус! — закричал Витас.

— Где? Где?

— Смотри по моей руке! Неужто не видишь? Маленький белый треугольник...

И Повилас увидел тоже. Далеко от берега, почти затерявшись в голубизне океана, шел парусник, шел в тот мир, где имеются телеграф и радио, где ходят поезда, горит электричество и летают самолеты, где живут папы и мамы.

— Тащи сучья!

— А спички?

Повилас торопливо зашарил по карманам. К счастью, спички оказались при нем. Коробок был тщательно упакован в несколько оберток. Еще бы! Последний из захваченных с собой из Клайпеды... Ну и, конечно, единственный в Агнирении. Во всяком случае, мальчики не видели спичек ни у кого из своих новых знакомых. Их не было даже у Ген. Как добывали агниренцы огонь, Витас и Повилас еще не установили. Видимо, все время поддерживали огонь...

Через минуту на берегу запылал костер. Но языки пламени растворялись в ослепительном солнечном свете.

— Вали сверху зеленые ветки и траву, — Повилас первым кинулся ломать кустарник.

Это помогло. В небо поднялся столб дыма. Мальчики до боли в глазах всматривались в океан. Заметят на паруснике сигнал бедствия или нет?

— Ни один моряк не проплывет мимо, — авторитетно говорил товарищу Повилас. — Это не простой, а международный сигнал. Все равно, что SOS *.

— Возьмут нас на борт, и недельки через две доберемся до дому, — глаза Витаса радостно заискрились.

— Пора бы уже, — глубоко вздохнул Повилас. — Знаешь, мне мама каждую ночь снится... Смотрит на меня печально-препечально, а потом плачет...

— Биму скажем, что уезжаем? А?

— Факт! Он в общем-то парень ничего, — в эту минуту Повилас позабыл обо всех огорчениях. — И с Ген и с другими попрощаемся... Правильные они люди...

— Ясно! Все же классически, что мы до страны Агнирен добрались! Может, после нашего возвращения сюда целую экспедицию направят?

— А почему бы и нет? И учителей и машины всякие привезут...

— И все будут знать, что это мы постарались. Вот! — Витас представил себе, как обрадуется Бим, когда начнет изучать географию и другие предметы. Ведь он такой способный!

— Куда делся парус? — забеспокоился вдруг Повилас.

На том месте, где еще несколько минут назад сверкала белая точка, ничего не было. Тогда Витукас изо всех сил напряг зрение. Тоже ничего. Парусник исчез в океане.

— Не заметили, далеко, — Повилас понурил голову. Руки, которыми он только что так усиленно действовал, бессильно повисли вдоль туловища.

— Не может быть! — возмутился Витас. В мыс-

---

* «Спасите наши души!» — сигнал бедствия.

лях он уже побывал на палубе парусника, несущегося к Клайпеде, а тут такое дело. — Наверно, просто спустили парус, чтобы остановиться... Скоро за нами шлюпка придет...

Повилас не сводил глаз с океана, в котором взял да и растворился крошечный белый лоскуток. Шлюпка? На это нет надежды. Любой капитан подведет судно как можно ближе к берегу, а не станет гонять шлюпку за много километров.

Долго простояли на берегу мальчики. Они уже ни на что не надеялись, но все смотрели и смотрели в голубую даль. Смотрели до рези в глазах, до слез... «А вдруг произойдет чудо, и из-за горизонта вновь вынырнет парус», — думал каждый.

Над головами носились крикливые чайки. Мальчики откровенно завидовали этим живым самолетикам, для которых ничего не стоило взмыть сейчас ввысь и помчаться за кораблем. С высоты им, наверно, до сих пор виден парус в океане...

— Нужно дежурить, — проговорил Повилас.

— Точно.

Повилас всегда был выше друга, а тут словно еще подрос. Идея, родившись, сразу захватила его.

— Сложим большущую кучу из сухих и сырых веток, — развивал он свою мысль. — Чтоб в любой момент можно было поджечь. Вон на том холмике, что повыше. Чего бы еще для дыма подбавить? А?

— Сухих шишек. В лесу их пропасть!

— Верно.

Позабыв о волдырях на ладонях, путешественники принялись за работу. Им так хотелось домой, что они были готовы сложить костер, огонь которого был бы виден в родной Клайпеде. Но это была только мечта, а на деле все обстояло очень плохо, хуже не придумать. Надвигалась опасность застрять в Агнирении на самое неопределенное время. Может, на месяц, может, на год, а может, и на всю жизнь.

Вся надежда, конечно, на отца Витаса. Мальчики не раз с удовольствием представляли себе, как поразился он, прочитав сообщение Виктора Семеновича о том, что они добрались до страны Агнирен. Сперва удивился, рассердился, раскричался. А потом успокоил всех и сказал по-капитански коротко: «Гор-

жусь!» Может, даже знакомым морякам рассказал об их подвиге, и они теперь тоже гордятся ими? А может... Об этом Витас и Повилас не решались мечтать вслух... Может, в газете о них напечатали?!

Приятно, очень приятно говорить и думать об этом. Но разрешат ли капитану Мажутису отправиться за ними? Захотят ли морские начальники отправить так далеко судно из-за двух мальчишек? Ну, конечно, захотят! Ведь в конце концов они не простые мальчишки — далеко не каждый взрослый отважится пуститься в путешествие, какое совершили они!

И все же трудно угадать из Агнирении, как сложатся дела в Клайпеде и скоро ли получит капитан Мажутис разрешение на рейс в Страну молота и наковальни. А раз так, то им самим нельзя терять времени.

— Считай, что мы с тобой уже второгодники, а может, даже третьегодники, — неожиданно делает вывод Витас.

— Факт! — угрюмо бурчит Повилас. — К первому сентября ни за что отсюда не выбраться! Послушай, а какое сегодня число?

Этот, казалось бы, простой вопрос очень встревожил мальчиков. Им показалось ужасным, что они... они не знают точно, какое сегодня число. И какое будет завтра, — тоже не знают...

— Уехали мы десятого августа, — пытался прикинуть Повилас, — в трюме мы пробыли... пробыли... Витас, сколько дней мы провели на «Тайфуне»?

— Ну-у-у... пять. А может, и четыре.

— Сказал! Шесть — точно!

— Ладно, пусть будет шесть, — Витасу грустно и совсем не хочется спорить.

— Значит, высадились мы шестнадцатого.

— Ага.

— С тех пор прошло, — Повилас щурит глаза и начинает считать по пальцам, сколько дней живут они уже в Агнирении.

— Как ни считай — плохо, — безнадежно машет рукой Витас.

На холмике, что топорщил свои зеленые бока сра-

зу же за полосой прибрежного песка, выросла большая куча хвороста. Но мальчики не уходили.

Часто слюнявя чернильный карандаш, Повилас вывел на листке бумаги: «SOS! SOS! SOS! Терпим бедствие в стране Агнирен. Связи с Клайпедой нет. Нуждаемся в помощи».

Записку затолкали в бутылку, надежно закупорили ее. Повилас, как более сильный, разбежался и забросил бутылку в море.

— Выловят?

— Я читал, что одну такую бутылку выловили через шестнадцать лет. Прочли записку, поплыли к необитаемому острову и нашли человека, который просил о помощи, — успокоил товарища Повилас. — Он весь поседел и почти разучился говорить.

— Ну?! — рассказ потряс Витаса.

С опушки леса мальчики еще раз обернулись к океану. Но голубая пустыня ничем не порадовала их. Только Витасу показалось, что вдали от берега сверкнула на солнце их бутылка. Плавно покачиваясь на волнах, она несла в цивилизованный мир призыв о помощи...

Орел — твой, решка — моя. — Повилас высоко подкинул двадцатикопеечную монету.

Выпал орел.

— Тебе идти. Держи спички, да не жги зря — одиннадцать штук осталось. Чуть заметишь — зажигай костер, разгорится — зеленых веток не жалей...

— А может, лучше вместе?

— Боишься?

— Не-е-е-т. Только вдвоем надежнее. Если не один, так другой заметит...

Появление Бима прервало разговор. Он выучил уже столько литовских слов, что мальчики побаивались откровенничать в его присутствии.

— Пошли... Работа, — проговорил он по-литовски.

— По̀шли... Работа, — повторил по-английски Повилас. — Догоняй! — весело крикнул мальчик Биму и пустился бежать по тропинке. Юноша кинулся за

ним. Они скоро обогнали всех юношей и девушек, шедших на работу к плотине.

— Сдаюсь! — поднял руки Повилас, взбегая на кучу из камня и земли на окраине строящегося городка. Мальчик запыхался и с трудом переводил дыхание. Бим поднялся к нему, и они невольно залюбовались просыпающейся природой.

Невесомые ленты тумана ласково обнимали раскидистые ветви кустарника. Ленты плавно плыли над землей, и казалось, что зеленые жители леса, боясь простудиться, старательно кутаются в газовые шарфики. Были они не то белые, не то сизые, не то еще какого-то неведомого людям цвета. Чернела полированная гладь озерца перед плотиной — не успела еще заглянуть в него небесная синева.

Шепталась на своем непонятном языке листва, гомонили птицы, пощелкивали в траве нетерпеливые кузнечики. Солнце только-только дотянулось лучами до верхушек деревьев, а они уже ослепительно сверкали в утреннем небе. Было прохладно и как-то по-особенному хорошо.

Но недолго длилось очарование. Его нарушил деловитый перестук топоров.

— Витас? — завертел головой Бим.

— Сейчас придет, — успокоил его Повилас. — Ген, наверно, попросила помочь.

— Ген? Иес! Иес!

Старательно налегая на лопату, Повилас снова и снова обдумывал положение, в котором они очутились. То, что они пожили в стране Агнирен, — это очень хорошо! Будет о чем рассказать не только друзьям, но и ученым. Повилас на минутку представил, как выступает он в Москве, в Академии наук. Здорово!

Но все это будет не раньше, чем они уедут из Агнирении. А пока Повилас уже забыл, какой вкус у конфет! И в кино не мешало бы сходить! И без электрического света по вечерам плохо!

Повиласу нравились их новые знакомые. Правду говорил капитан Мажутис, что самостоятельные люди, даже очень. Все сами умеют делать. Столько дней прошло, а никто не поссорился. Значит, дружные. Но таким легко быть самостоятельными. Вот

попробовали бы они в школу походить! Тогда б узнали! Предмет на предмете, пионерские сборы, собрания! Как тут будешь все сам делать?

И тут Повилас вдруг почувствовал, что он не совсем уверен в правильности своих рассуждений. До приезда в страну Агнирен они не вызвали бы у него никаких сомнений. А тут... Тут его окружал такой умелый и ловкий народ, что мальчику вольно или невольно хотелось походить, например, на Бима, или на Ген, или на Бома. Такие нигде не пропадут, с любым делом справятся, всегда товарищу помогут. Пошли их в школу — пожалуй, учились бы только на пятерки.

— Готово, — у Бима, когда он говорил по-литовски, почти не было акцента. Углубление для очередного шалаша было вырыто, а Витас не появился. Как ни отговаривал Повилас Бима, но тот все же отправился на розыски. Возвратился он часа через два, перед самым сигналом на обед, ведя за руку недовольного такой бесцеремонностью Витаса.

Бим собрал вокруг себя товарищей и начал с ними о чем-то советоваться. Говорили они горячо и долго. Мальчики ничего не поняли, только несколько раз уловили свои имена.

На обед Витас отправился как бы под охраной: впереди вышагивал своими длинными ножищами Бим, сзади, слегка раскачиваясь, — Бом.

Повилас хотел было, как обычно, устроиться с товарищем за маленьким столиком в центре навеса, но Бим воспрепятствовал этому.

— Витас... сидеть... один, — объяснил он мальчику. — Лентяй!

Сперва Витасу показалось даже забавным, что его усадили за отдельный стол в самом центре лесной столовой. Он изо всех сил старался привлечь к себе внимание: корчил рожи, насвистывал, вскакивал со скамьи, окликал по имени юношей и девушек. Но никто не улыбнулся, никто не откликнулся, никто не подошел к нему. Только в тот момент, когда Ген с низким поклоном, словно важному барину, подала ему миску с супом и хлеб, кто-то из агниренцев не сдержал смешка. Это был не веселый, а презрительный смешок, прозвучавший, как пощечина.

Витас сник, вобрал голову в плечи. Быстро, раньше всех, съел суп и отправился на кухню за вторым. Но не тут-то было. Его немедленно усадили на место, а Ген, снова с глубоким поклоном, принесла ему картофель с мясом.

Повилас чувствовал себя так, будто наказывали не Витаса, а его самого. Но что мог он сделать? Рассказать Биму о костре, который должен вспыхнуть, как только вблизи берегов Агнирении появится какое-нибудь судно? Ни за что! Нельзя ставить под удар их единственный шанс...

«Терпи, друг! — обращался он мысленно к Витасу. — Не бойся поднять глаза! Ты не лентяй! Ты честно отстоял на посту!» Повилас старался не смотреть на товарища, чтобы не заподозрили, что он с ним заодно.

Обед закончился. Однако никто не пошел отдыхать. Сперва говорил Бим, потом еще двое юношей и девушка, потом началось что-то вроде голосования. Целое собрание получилось. Повилас заметил, что руки подняли все. «Единогласно», — подумал он.

После этого все разошлись по шалашам. Остались Бим, Бом, Бам и мальчики. Бим знаками объяснил, чтобы Повилас попрощался с Витасом.

— Лентяй... Вон! — добавил юноша сердито.

Тут мальчики поняли, что собрание, на котором они только что присутствовали, приняло какое-то страшное для Витаса решение. Повилас шагнул вперед и схватил друга за руку, всем своим видом показывая, что он ни за что не расстанется с ним.

— Вместе! — заявил мальчик, горделиво вскидывая голову.

— Друг! — только и смог вымолвить Витас. Так вот какой Повилас! Да, на такого человека можно положиться!

Бим, Бом и Бам минуту совещались...

— Что они придумали? — лихорадочно рылся в памяти Повилас. Но он никогда не читал, чтобы путешественников где-либо наказывали за то, что они отлынивали от работы.

— Сожгут живьем или бросят на съедение акулам, — уныло проговорил Витас.

— Глупости говоришь, — попытался ободрить

друга Повилас, но слова его прозвучали уныло.

— Марш!—коротко приказал Бим.

Маленький отряд углубился в лес. Впереди — мальчики, по бокам и сзади — Бим, Бом и Бам.

— Нужно бежать!—прошептал Повилас. — Иначе будет поздно.

— Догонят. Вон какие здоровенные!

— Так, может, нас на смерть ведут?

— Пусть, — обреченно махнул рукой Витас. — Пропали мы с тобой!

Повилас и сам понимал, что у них нет никакой возможности бежать. Но его кипучая натура не хотела мириться с этим.

Вышли на опушку леса. Впереди лежали сыпучие пески. Повилас снова взял друга за руку. Так и поднялись они на ближайшую дюну.

На вершине Витас споткнулся и чуть не упал. Глянул под ноги и невольно вскрикнул от ужаса. Из песка, белея на солнце, торчали ребра и кости.

— Жертвенник! — на лице и шее Повиласа проступили белые пятна. Богатое воображение мальчика тут же нарисовало ему картину принесения Витаса в жертву богам страны Агнирен.

— Лодырь! — показал на кости Бим. — Прочь! Звери а-а-м!

Потом он пригрозил Витасу, укоризненно покачал головой, еще раз указал на кости.

— Работать хорошо! Лодырь не надо! Вон! — коверкая литовские слова, прокричал Бим.

Бом и Бам подошли к нему вплотную, и они начали о чем-то говорить. Но так тихо, что мальчики ничего не слышали. Да их уже и не интересовало это. Витас и Повилас с ужасом ожидали минуты, когда останутся одни на краю пустыни, лицом к лицу с дикими зверями. Но страшный момент так и не наступил.

— Марш! — приказал Бим, и отряд зашагал обратно. Юноши больше не охраняли мальчиков, подчеркивая этим, что Повилас и Витас прощены и снова стали для них добрыми товарищами. Когда подошли поближе к городку, Бим, Бом и Бам, ускорив шаги, оставили мальчиков одних.

И только тут они окончательно пришли в себя.

— Чуть не выгнали... на съедение диким зверям!.. — с трудом выдавливая из себя слова, проговорил Витас. Он вдруг почувствовал такую слабость, что опустился на траву. Повилас присел рядом. Было обидно, и хотелось плакать. — А эти кости я навсегда запомнил... — Витас спрятал лицо в траву. — И за что погубили человека?

— Бим говорил: лентяй...

— Ну и что ж? Если лентяй, так уже не человек? А? — вскинулся Витас. И тут он почему-то вспомнил отца. Как рассердился он, увидев в табеле сына тройки. «Решил, что я лентяй и белоручка!» — подумал Витас. Ему стало так стыдно, что даже обида на агниренцев прошла.

Но Повилас никак не мог успокоиться.

— Буржуйские порядочки! Человек человеку — друг! А они что делают? Выгоняют на верную смерть...

Этот страшный для мальчиков день закончился мирно. В городке их встретили так, будто ничего не случилось. Вечером позвали к костру, где все агниренцы пели английские песни. А перед сном Ген напоила их замечательным компотом. Не очень сладким, но удивительно вкусным и ароматным.

Прошло еще три дня. Мальчики покорились судьбе и не делали больше попыток установить связь с цивилизованным миром. Бим все чаще и чаще хвалил их за хорошую работу. Они и вправду старались. Хоть им агниренцы и не доверяют, хоть и приставили в няньки Бима, чтобы следил, ленятся они или нет, но ничего, они докажут, что ничуть не хуже других, только моложе. Руки у мальчиков окрепли, ладони огрубели. Загорели они так, что не уступали теперь самым черным агниренцам.

Если бы кто-нибудь из их соучеников увидел, как уверенно действуют они топорами, как ловко обстругивают доски, он был бы несказанно удивлен.

Мальчики втайне стали гордиться своими рабочими мозолями.

Словом, жизнь их в Стране молота и наковальни налаживалась. И все было бы терпимо, если б хоть малейшая возможность установить связь с далекой Клайпедой. На бутылку с письмом они, по правде говоря, не надеялись. Что пользы, если выловят ее лет через десять-пятнадцать? Капитан Мажутис тоже не торопится за ними.

Да, нелегко так жить. А тут еще мучают угрызения совести, что причинили столько беспокойства родным и близким. Ген, видимо, лучше других понимала состояние мальчиков и все старалась подсунуть им кусочек повкуснее.

Но недолго текла спокойно жизнь в стране Агнирен.

Случилось это вечером, когда наши путешественники, налюбовавшись у моря закатом солнца, устраивались в шалаше спать. Бим пришел к ним весь какой-то взъерошенный, взволнованный и стал быстро собирать в рюкзак вещи мальчиков.

— Марш! Бегом... Плохой человек! — с трудом подбирая слова, выкрикивал юноша.

— Куда? Зачем? — ничего не понимали мальчики.

— Лес! Быстро!

В это время в шалаш зашли еще Бам и Бом. Втроем они подхватили Витаса и Повиласа и побежали с ними к лесу. Последнее, что увидели Повилас и Витас в городке, была Ген, изо всех сил колотившая в барабан под навесом.

— Тревога! — сообразил Повилас.

Замедлили шаг только в лесной чаще. Здесь было уже совсем темно.

— Что случилось? — тормошил Бима Витас.

— Враг... Плохо... Беда...

Подробнее о причине столь поспешного бегства мальчикам удалось разузнать лишь после того, как они достигли небольшого шалаша, совершенно затерявшегося в густом кустарнике. Из множества отрывочных английских и литовских слов мальчики поняли, что избежали большой опасности.

Произошло примерно следующее. Настало время платить дань соседнему племени «джу-джу», более сильному и многочисленному, чем племя Бима. У «джу-джу» был царь, были рабы. Этот царь узнал о Повиласе и Витасе и потребовал, чтобы их отдали ему взамен дани. Он послал за мальчиками своих рабов. Но Бим, Бом и Бам узнали об этом и спрятали Витаса и Повиласа. Посланцам царя скажут, что чужеземцы уехали домой.

— Спасибо! — мальчики изо всех сил жали руки своим друзьям. Им совсем не хотелось попасть к царю. Нет, лучше уж остаться в племени Бима!

— Царь плохо! — горячо убеждал юношей Повилас. — Вон! Долой! Война!

— Правильно! — Бом поднял над головой крепко сжатый кулак. — Долой!

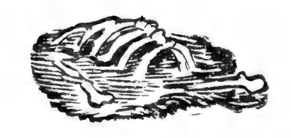
— Бом — марш! — приказал Бим. — Бам — марш!

— В разведку отправляет, — решил Витас.

— Факт!

Мальчики долго шептались перед сном. Бим сердился, что они мешают ему спать, но Витас и Повилас никак не могли успокоиться. Когда они, наконец, заснули, Бим заботливо поправил на них одеяло...

В городок возвратились на следующий день. Все его обитатели уже ушли на работу. Мальчиков радостно приветствовала Ген.

День клонился к вечеру, когда Ген попросила ребят пополнить запасы дров для кухни. Бима нигде не было видно, и мальчики, вооружившись топорами, отправились в лес одни. Ген обещала через пару часов прислать кого-нибудь за дровами.

Рубить деревья в стране Агнирен не разрешалось. На дрова шли только сухие сучья. К месту рубки их приходилось стаскивать издалека.

В этот предвечерний час в лесу было жарко и тихо. Казалось, утомленные зноем звери, птицы и даже насекомые замерли в нетерпеливом ожидании вечерней прохлады. Только где-то отрывисто стучал дятел да перепархивали с куста на куст крупные бабочки. Витас ловко поймал одну из них.

— Красавица! — восхитился Повилас, разглядывая черно-красные переливы маленьких крылышек. — Вот бы у нас в Клайпеде такие водились, обязательно б коллекцию собрал! Знаешь, она ничуть не хуже, чем те, что твой папа на «Гинтарасе» привез.

— Ага. А где он теперь, папка мой?

— Бить нас надо, Витукас! Больно-пребольно! Ты только подумай, что мы наделали?

— Да я сейчас на любое наказание согласен, лишь бы дома очутиться.

— Я тоже.

Мальчики опустились в густую траву. Но скоро им стало очень скучно. Такого раньше с ними никогда не случалось. Напротив, они любили поваляться без дела на травке. И чем дольше, тем лучше. А тут вдруг скучно.

— Витас, тебе скучно?

— Еще как!

— И мне. С чего бы это?

— Может потому, что мы сидим без дела? — предположил Витас.

— Интересно!—приподнялся на локте Повилас.— Угадал! Факт! Просто нам скучно без дела.

— Но почему? — недоумевал Витас. — Или микроб какой из нас вышел? Климат для него тут, наверно, неподходящий.

— Микроб? Нет, таких не бывает. Просто мы... мы... Ну, как сказать? Ну, что ли, сознательней стали...

— Разве ты раньше несознательным был? — этот вопрос поставил Повиласа в тупик.

Витасу пришлось отвечать на него самому:

— Не очень были сознательными.

— А теперь сознательные, самостоятельные! Огого-го! — вскочив на ноги, заорал во все горло Повилас.

Весело перекликаясь, мальчики натащили большую кучу валежника. Потом быстро заработали топорами, разрубая ветки. Чурбачки складывали один на другой, чтобы было удобно перевязать их для доставки в городок. Ведь единственным транспортом в стране Агнирен, насколько знали наши путешественники, были спины ее жителей.

— Достаточно! — Повилас опустил топор. — По...

Мальчик замер на полуслове. Густой, басовитый рев доносился со стороны моря. Это был пароходный гудок!

Если бы в этот момент поблизости оказался судья с секундомером, то мир наверняка узнал бы о новом рекорде. Мальчики мчались с такой быстротой, одним прыжком преодолевали такие препятствия, что им могли позавидовать многие спортсмены. А впереди снова заревел гудок, ближе и сильнее.

Океан открылся глазу с опушки леса. О счастье! В нескольких милях от берега дымил небольшой пароход. Мальчики остановились, сорвали с себя майки и стали размахивать ими над головами. Кричали так, что потеряли голоса. Но не было никаких признаков, что их заметили с судна.

К великой радости мальчиков, пароход не двигался с места. Значит, можно еще попытаться привлечь к себе внимание. Быстро темнело, а в темноте на судне скорее обратят внимание на костер, зажженный на этом отдаленном от мира берегу.

Вспыхнул костер, и, словно отвечая ему, засверкали пароходные огни.

— Заметили? — напрягся весь Витас. Но это был не сигнал, а просто совпадение.

Совсем стемнело. Мальчики все подкладывали и подкладывали сучья в костер. Языки пламени сердито рвались вверх, яростно набрасывались на новые порции пищи, превращая ее в полыхающие огнем рубины.

— Идем к Биму, — предложил Повилас, — за помощью. Приведем его сюда. Он поймет.

— А пароход?

— Может, и не уплывет...

— Тогда быстрее! — и Витас первым побежал по тропинке, ведущей к городку.

— Попросим Бима помочь сделать плот, — на бегу договаривался с другом Повилас.

— Ага. И Бома, и Бама позовем, и еще, может, кого-нибудь...

Вот, наконец, и лесной городок. Мальчики вихрем спустились с холма и выбежали на поляну к шалашам. Но почему никого не видно? Почему не горит костер и не сидят вокруг него, как обычно по вечерам, агниренцы?

Повиласу стало страшно. Он почему-то решил, что

племя «джу-джу» увело их новых друзей в рабство. И Бима, и Ген, и всех других юношей и девушек, таких симпатичных и самостоятельных. Попали они в рабство за то, что спрятали Витаса и Повиласа от царя «джу-джу».

Повилас ничего не сказал о своих подозрениях другу. Через несколько минут, когда луна своими холодными равнодушными лучами осветила городок, он понял, что поступил очень осмотрительно. На одном из столбов, поддерживающих навес, что-то белело. Мальчики подошли ближе и увидели лист бумаги. На нем была нарисована стрела, плотина и шалаши.

— Это Бим нам записку оставил. Факт!

— Ушли в новый городок, к плотине, — расшифровал рисунки Витас. — Точно. Там уже все готово... Интересно, как они его открывать будут?

— Танцевать да песни петь. Больше тут ничего нету. Оркестр бы к ним сюда! Вот бы удивились!

— А если бы радио или телевизор! Представляешь?

— Жалко мне их, Витас. Такие люди хорошие, а живут в темноте... Ну, теперь все от нас зависит. Надо скорее в Клайпеду, а оттуда в Москву. Наше правительство обязательно им поможет, большущую экспедицию снарядит...

У огромного костра, что горел в центре нового лесного городка, было необычайно много народу. В несколько раз больше, чем работало на строительстве. Мальчики заметили это еще издали. Глухим рокотом докатился до них нестройный гул голосов.

Но стоило Повиласу и Витасу подойти ближе, как все смолкли. Только резко пощелкивал огонь, выгоняя из сучьев последние капли воды. Навстречу мальчикам вышел Бим. Он взял их за руки и ввел в ярко освещенный круг. Раздались аплодисменты. Мальчики растерянно озирались, не понимая, за что им такая честь.

Бим шагнул вперед и заговорил на... чистейшем литовском языке:

— Дорогие шестиклассники Повилас и Витас! Дорогие вы наши мальчишки-путешественники! Не смотрите на меня такими глазами. Сейчас вы все узнаете, я открою вам тайну, где находится страна Агнирен, кто ее населяет и почему все ее жители говорят по-литовски несравненно лучше, чем по-английски и тем более по-агниренски.

Знайте, никакой такой страны Агнирен на нашей планете нет. Мы просто выдумали ее вместе с капитаном Мажутисом. Вы находились все время и находитесь на косе Неринга, недалеко от рыбацкого городка Ниды.

Мальчики остолбенели. Самое лучшее сейчас было бы бежать куда глаза глядят.

«Неринга! Нет! Не может быть!» — пытались мысленно убедить себя мальчики. Но ничего не получалось. Уж слишком хорошо знакомое слово, такое же знакомое, как название улицы, на которой они живут. В Клайпеде нет человека, который бы не знал, где находится знаменитая Неринга.

Так называется узкая многокилометровая полоска суши, отделяющая залив Куршю марес от моря. Мальчики не раз ездили на косу Неринга из Клайпеды. И одни, и вместе с классом, и с родителями. Туда каждый час ходит паром. Особенно много народу ездит на Нерингу в летние воскресные дни. Тогда паром отправляется от пристани каждые пятнадцать минут. На Нерингу едут отдохнуть, покупаться.

Косой ее прозвали потому, что она узкая и длинная. Напротив Клайпеды ширина ее не больше километра, дальше — шире. Переезжаешь на пароме через залив, потом идешь лесом и выходишь к открытому морю. Песчаный берег спускается к нему крутым обрывом. Возле Ниды на косе есть место, которое прозвали «Литовской Сахарой». Настоящая пустыня: огромные дюны из сыпучих песков, колючая трава.

Неринга! А если прочесть наоборот — Агнирен. До чего просто. «Неринга-Агнирен, Неринга-Агнирен, Неринга-Агнирен», — неотвязно бились слова, как бьются мухи об оконное стекло. Мальчики вдруг почувствовали себя очень маленькими и несчастны-

ми, значительно меньшими, чем им казалось до сих пор.

— Напрасно опасались вы акул и осьминогов, львов и тигров, — продолжал Бим. — Мы тоже выдумали их для вас. Иначе кто мог поручиться, что вы не станете без спросу купаться или не заблудитесь? Словом, дикие звери хорошо помогали нам справляться с вами. Спасибо им!

— Спасибо! — весело откликнулся хор молодых голосов.

— До дому вам — считанные километры, и вы вполне успеете попасть в Клайпеду к началу занятий. Даже если погостите у нас еще денек-другой.

Жили вы у студентов. Строили с нами лагерь для слета туристов нашей республики. Вот, пожалуй, и все. А по-английски мы говорили для практики. Перед отъездом на косу клятву такую дали: месяц только по-английски...

— Про «джу-джу» еще скажи и о самостоятельности, — подсказал Бам.

— А! Гости к нам в тот вечер неожиданно приехали. Ну и пришлось придумать «джу-джу», чтобы вы не встретились с людьми, не посвященными в нашу игру...

Бим притянул к себе мальчиков. Голос его зазвучал торжественно и громко:

— И еще пару слов. Самых главных. У нашего маленького лагеря на косе Неринга все же было название. Правда, его нет ни на одной географической карте, но все мы называли его...

— Страной самостоятельности, — снова раздался веселый хор.

— Да вы не дуйтесь, — затормошил Бим совершенно огорошенных мальчиков. — Все было так устроено, что я бы тоже попался. Ведь, честно говоря, хорошо получилось! Не дуться, а благодарить Виктора Семеновича надо!

— Виктора Семеновича! Виктора Семеновича! — закричали вокруг.

И боцман с «Тайфуна» действительно появился. Подошел к мальчикам, обнял их и по своему обыкновению очень немногословно рассказал, как капитан Мажутис (его давнишний приятель), очень недоволь-

ный хвастовством и ленью сына, задумал проучить его, как вместе разработали они план и нарисовали карту, как договорились со студентами о приезде путешественников, как убедили двух мам и папу Повиласа отпустить сыновей в «дальнее плавание». Если бы мальчики не встретились с боцманом в порту, Виктор Семенович разыскал бы их сам.

Это Виктор Семенович вынул у ребят из рюкзака будильник, чтобы они окончательно потеряли счет времени, это он договорился с капитаном «Тайфуна» о ночной высадке мальчиков на косу Неринга.

— В трюме вы пробыли всего три дня. Все это время пароход, не выходя из залива, развозил припасы рыбакам... Обратно поплывем тоже на «Тайфуне», но на этот раз плавание уже не будет «дальним».

— «Тайфун»?

— Да, да, он самый! А знаете, что я хочу сказать вам?

— Нет! А что? — в один голос отозвались мальчики.

— Вы мне сейчас куда больше нравитесь, чем при нашей первой встрече. Какие-то вы стали взрослые, самостоятельные. Ну, прямо настоящие мужчины! Рад, рад, что путешествие в страну Агнирен пошло вам на пользу! И капитан Мажутис рад будет! И отец Повиласа! Ему тоже не особенно нравился сын... Это я вам точно говорю!

Мрачные лица мальчуганов расцвели улыбками. Виктор Семенович зря хвалить не станет. Значит, и вправду они повзрослели, хорошо показали себя.

— А теперь давайте знакомиться заново! — предложила Ген и представилась: — Генуте.

Бима звали Юозасом, Бома — Кестутисом, Бама — Лаймутисом. Остальные же, как и Генуте, просто сократили свои имена: Ант — Антанас, Вин — Винцас, Ион — Ионас.

Отвечая на рукопожатия, мальчики чувствовали, как под лучами дружеских улыбок тает их обида. Слов нет, здорово их провели!.. Но... Если бы представилась возможность, они бы охотно повторили все сначала! Что ни говорите, а Витас и Повилас совершили поистине удивительное путешествие в неведо-